

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 28

1978

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ПРАВДА»

ВЕШНИЕ ВОДЫ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 28

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ

ВЕШНИЕ ВОДЫ

*Романтическая повесть
памяти великой нации*

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1978

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ

Эрнест Хемингуэй (1899—1961) — виднейший представитель литературы США XX века, лауреат Нобелевской премии 1954 года.

Родился в семье врача в г. Оак-Парк, неподалеку от Чикаго. Пройдя хорошую журналистскую и редакторскую школу, Хемингуэй вступил в литературу в середине 20-х годов сборником рассказов «В наше время». Широкую известность ему принес роман «И восходит солнце» (1928). Следующий роман «Прощай, оружие!» (1929) окончательно определил место Хемингуэя в литературе США. Он был знаменитым охотником и ловцом акул, страстно любил природу, много путешествовал по земным континентам, многое испытал. Навсегда полюбивший Испанию и ее народ, Хемингуэй во время гражданской войны в Испании оказывал всяческую поддержку республиканцам. Пребывание в Испании благотворно сказалось на творчестве писателя. Главный итог испанского периода — роман «По ком звонит колокол» (1940). В Испании же в 1937 году Хемингуэй завершил свой роман «Иметь и не иметь», ставший весьма важным этапом творческой эволюции писателя.

Участник двух мировых войн, получивший несколько тяжелых ранений, Хемингуэй во всем своем творчестве выступает ярким противником войны. Последняя прижизненная книга Хемингуэя, повесть «Старик и море» (1952), — это своего рода творческое завещание писателя: «Человека можно уничтожить, но его нельзя победить». В Советском Союзе опубликованы все наиболее значительные произведения Хемингуэя, издавались двух- и четырехтомные собрания сочинений писателя, а также опубликованные посмертно книги «Праздник, который всегда с тобой» и «Острова в океане». Предлагаемая вниманию читателя повесть «Вешние воды» (1926) открывает нам новую грань таланта Хемингуэя.

Перевод с английского Владимира ПОСТНИКОВА и Игоря ЗОЛОТАРЕВА.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Если не считать небольшого сборничка «Три рассказа и десять стихотворений», изданного тиражом 300 экземпляров, повесть «Вешние воды» была второй книгой Эрнеста Хемингуэя. Написана она всего за неделю в ноябре 1925 года и в мае 1926 года увидела свет. Это был период, когда Хемингуэй жил в Париже и учился писать. Он поддерживал литературные и дружеские отношения с проживавшими во французской столице или наведывавшимися туда американскими писателями Гертрудой Стайн, Ф. Скоттом Фицджеральдом, Эзрой Паундом, Джоном Дос Пассосом, а также Фордом Мэдоксом Фордом, немцем по национальности, который писал на английском языке. Форд был другом Джозефа Конрада. В конце 1923 года Форд переехал из Лондона в Париж и начал издавать там журнал «Трансатлантик ревью». Самое непосредственное участие в издании этого журнала принимал и Хемингуэй.

Впечатления об этих годах, оказавших влияние на Хемингуэя как писателя, известны нам по «Празднику, который всегда с тобой». Давид Гарнетт, автор двух предисловий к «Вешним водам», пишет: «Легко себе представить, что человека, такого серьезного и жаждущего увидеть все самостоятельно, литературные брамины Парижа сводили с ума. Он отчаянно пытался писать, он жаждал учиться, но вскоре понял, что всякие там советы и пустая болтовня о литературе ему не помогут. Единственным его мерилom стало: каждое написанное слово должно быть правдивым. К тому же он не был богат, писал очень медленно, а болтуны отнимают много времени. Вот почему эта пародия, хотя и юмористическая, была написана с известной долей раздражения. Он пошел против своих учителей».

И прежде всего против Шервуда Андерсона.

С Шервудом Андерсоном Хемингуэй познакомился еще в 1921 году в Чикаго. Андерсон угадал в Хемингуэе талант и предсказывал ему большое будущее. И всячески его поддерживал. Когда в декабре 1921 года Хемингуэй с женой отплыли в Европу, Андерсон дал им несколько рекомендательных писем к

своим парижским друзьям. Отзывы Андерсона, весьма похвальные, были помещены на суперобложке первой книги Хемингуэя. Андерсон же хлопотал об издании рассказов Хемингуэя в американском издательстве «Бони и Ливрайт». Хотя еще в Чикаго молодой Хемингуэй позволял себе не соглашаться с Андерсоном по многим вопросам литературного творчества, в Париже во время работы над сборником рассказов «В наше время» (парижское его издание вышло в марте 1924 года, американское, переработанное и расширенное, — в октябре 1925 года) Хемингуэй испытывал немалое восхищение перед талантом Андерсона-новеллиста и находился под сильным его влиянием. Значение Андерсона в американской литературе определяется прежде всего созданием им новой формы новеллы — психологической. В его рассказах (в отличие, скажем, от устоявшейся новеллы О'Генри) нет острой сюжетной интриги, очень мало действия, а развязка, как правило, вообще отсутствует. Основное внимание писатель уделяет раскрытию внутреннего мира своих героев, их эмоционального состояния, стремления выразить себя перед другими людьми. Вследствие этого писатель увлекается внутренними монологами, диалог не несет у него почти никакой нагрузки. Но если Хемингуэй действительно учился у Андерсона-новеллиста, он был далеко не в восторге от его романов, отличавшихся чрезмерной рыхлостью композиции, надуманностью ситуаций, псевдозначительной одержимостью сексом, незавершенностью. Раздражало начинающего писателя и то, что, отказывая ему в творческом своеобразии, в нем прежде всего видели ученика Андерсона. Желая, видимо, поддержать автора, один американский критик заявил о рассказе Хемингуэя «Мой старик», что, мол, лучше не написал бы и сам Андерсон. Вышедший в 1925 году новый, чрезмерно аффектированный роман Андерсона «Черный смех»^{*} окончательно вывел молодого Хемингуэя из себя, и он выступил с резкой критикой литературного метода Андерсона и его идей о том, что негры якобы должны быть ближе к природе, чем белые, и что черный цвет более естествен для кожи, нежели белый.

Непосредственным поводом для написания пародии послужил состоявшийся в ноябре 1925 года разговор с Дос Пассосом об этом новом романе Андерсона, который оба считали исключительно плохим. И все же, когда Хемингуэй прочитал уже написанную повесть Дос Пассосу, последний высказался против ее публикации. По условиям договора с Хемингуэем издательство «Бони и Ливрайт», отказавшись напечатать вторую книгу

^{*} Устоявшийся в советской американистике перевод названия «Темный смех» представляется нам неточным. (Прим. пер.).

Хемингуэя (а ею в данном случае оказались «Вешние воды»), потеряло право на издание новой книги Хемингуэя — «Финестры», над которой он тогда работал и которой было суждено принести ему широкую известность. 28 мая 1926 года «Вешние воды» вышли в издательстве Скрибнера.

Полемика Хемингуэя с Андерсоном — это прежде всего его спор с критиками и с самим собой. «...Самое трудное для меня, помимо ясного сознания того, что действительно чувствуешь, а не того, что полагается чувствовать и что тебе внушено, было изображение самого факта, тех вещей и явлений, которыми вызываются испытываемые чувства...» — писал Хемингуэй об этом периоде на первых страницах «Смерти после полудня». — Я тогда учился писать и начинал с самых простых вещей, а одно из самых простых и самых существенных явлений — насильственная смерть». Он уже создал программные для себя рассказы — «Не в сезон», в котором впервые опробовал новый литературный прием (впоследствии он получит название «принципа айсберга»), и «Непобежденный», в котором выражена важная для всего последующего творчества Хемингуэя мысль о том, что «человека нельзя победить». Период ученичества окончился, собственные художественные установки прояснились для него, и он поспешил объявить об этом миру в такой вот своеобразной форме.

«Черный смех» Андерсона — это история газетного репортера Брюса, который бросает «высокоинтеллектуальную» жену и получает место красильщика на колесной фабрике, где обращает на себя внимание жены своего босса. Она берет его в садовники. Лейтмотив «в южной Индиане наступала весна» проходит через весь роман, символизирует и сопровождает сближение Брюса с директоршей, чьи тонкие желания наконец-то утолены. Из-под лестницы за ними наблюдают, хихикая, негритянки. «Воздух на вершине холма был наполнен смехом, черным смехом». Эти негры, которые у Хемингуэя заменены индейцами, не просто негры, а их смех, вызванный медлительностью леди и садовника, не просто смех, а голос самой Природы. Андерсон, оказывается, нашел «золотой век» среди негров, которые, как мы уже говорили, должны быть ближе к природе, чем белые, ибо черный цвет якобы более естествен для кожи, нежели белый.

Хемингуэй не принял столь явную аффектацию романа. Стремясь к простоте и ясности слога и композиции, к чистоте каждого написанного слова, он ненавидел всякую манерность, нарочитую усложненность стиля и напомнил об этом в первом же абзаце повести. В пародии соблюдены все формальные признаки романов Андерсона с их многочисленными повторами, переплетением социальных и биологических мотивов,

обилием второстепенных линий, связанных с непомерно раздутой «трагедией пола». В Скрипсе О'Ниле и Йоги Джонсоне читатель без труда угадывал черты «естественного человека», героя романов Андерсона. Идеал Андерсона — докапиталистические ремесленные формы производства — карикатурно представлен в образе двух душевных старичков мастеров.

Пародирова ситуации и стилистические приемы андерсоновских романов, Хемингуэй попутно обыгрывает наиболее уязвимые стороны творчества других популярных писателей Америки и Англии, бросая камешки в огород то одного, то другого. Ничего не щадит Хемингуэй в полемическом задоре, с юношеской запальчивостью крушит все, что противоречит его собственной художественной концепции. Досталось от него и пустомеле Форду Мэдоксу Форду, и Дос Пассосу, и Ф. С. Фицджеральду, но больше всех Гертруде Стайн, не создавшей ни одного скольнибудь значительного литературного произведения, но настойчиво претендовавшей на роль наставницы молодого автора.

Современники с восторгом принимали осмеяние литературной манеры и стиля, которые им навязывались и которые так остроумно пародировал Хемингуэй. Благожелательно приняла пародию и американская критика. По мнению Давида Гарнетта, «повесть явилась отказом Хемингуэя от своих учителей и литературных советников и как таковая проливает свет на его дальнейшее творчество». Как признают исследователи и биографы писателя, данное произведение Хемингуэя является своего рода декларацией его творческой независимости, переоценкой ценностей, утверждением собственной художественной концепции, поворотным моментом в его литературной судьбе.

Незадолго до выхода «Вешних вод» в свет в мае 1926 года, Хемингуэй послал из Испании письмо Ш. Андерсону, в котором объяснял причины, заставившие его решиться на их публикацию, и оставлял за собой право критиковать любую плохую книгу. Андерсон, однако, не понял и не принял искренности автора, хотя и признал принципиальность двигавших Хемингуэем мотивов.

За публикацией «Вешних вод» последовали личные обиды, посыпались обвинения в «неблагодарности». Эти обвинения продолжают и по сей день. Однако этот, казалось бы, опрометчивый шаг, на который пошел всеизвестный еще писатель, лишний раз говорит о мужестве и высокой требовательности Хемингуэя к себе и к другим, когда дело касалось литературы, которой он посвятил всю свою жизнь и которая, как писал он в письме Андерсону, «гораздо важнее каждого из нас».

В. ПОСТНИКОВ, И. ЗОЛОТАРЕВ

ВЕШНИЕ ВОДЫ

Г. Л. Менкену и С. Стэнвуд Менкен
с чувством восхищения,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КРАСНЫЙ И ЧЕРНЫЙ СМЕХ

*Единственным источником подлинной смехотворности
является, на мой взгляд, притворство.*

Генри Филдинг.

1

Мичиган. Йоги Джонсон стоит и смотрит в окно большой насосной фабрики. Весна уже не за горами. Неужели и нынче сбудутся слова этого шелкопера Хатчинсона: «Коль на дворе зима, за нею жди весны?» — размышляет Йоги Джонсон. Всего лишь одно окно разделяет Йоги Джонсона и Скриппса О'Нила, долговязого молодого человека с длинным и худым лицом. Оба стоят и смотрят на безлюдный двор упомянутой выше фабрики. Упакованные, готовые к отправке помпы скрыты сугробами. С наступлением весны рабочие начнут вытаскивать их из-под снега и отвозить на железнодорожную станцию, а там их погрузят на платформы и отправят заказчикам. Йоги Джонсон обозревает занесенное снегом готовое оборудование, и от его дыхания на холодном стекле проступают едва заметные причудливые узоры. Йоги Джонсону вспоминается Париж. Наверное, эти едва различимые узорчатые рисунки и вызвали в памяти веселый город, в котором он провел однажды две недели — две недели, которым суждено было стать самыми счастливыми в его жизни. Теперь все это уже позади. Это да и многое другое.

У Скриппса О'Нила было две жены. Стоя у окна — долго-вязый, худой, мрачный, — он думал о них обеих. Одна жила

в Манселоне, другая — в Петоски. Жены, что жила в Манселоне, он не видел с прошлой весны. Он смотрел на заснеженный двор насосной фабрики и думал, что же сулит ему весна. С этой манселонской женой Скриппс часто напивался, и тогда они оба бывали очень счастливы. Шли до железнодорожной станции, потом дальше по линии, усаживались на землю, пили и смотрели, как мимо проходят поезда. Расположившись под сосной на пригорке, они сидели и пили. Бывало, всю ночь, а то и всю неделю. Это шло им на пользу. Придавало Скриппсу сил.

У Скриппса была дочь, которую он в шутку называл Пруси. На самом деле ее звали Люси. Однажды, когда Скриппс со своей старухой пьянствовали над железнодорожным полотном три или четыре дня подряд, он ее потерял. Не знал даже, куда она подевалась. А когда пришел в себя, была ночь. Он потащился по путям к местечку. Шпалы были твердые и больно сбивали ноги. Скриппс попробовал идти по рельсам, но не смог. Слишком уж он, видать, был пьян. Потом снова заковылял по шпалам. До их городка было далековато. Наконец он увидел огоньки на маневровых путях. Там он сошел с полотна и двинулся мимо манселонской школы. Выстроенная из желтого кирпича, она насколько не была похожа на те здания в стиле рококо, которые он видел в Париже. А впрочем, сам он ни разу там не был. То был не он, а его приятель Йоги Джонсон.

Йоги Джонсон смотрел в окно. Скоро ночь. Надо закрывать фабрику. Он осторожно приоткрыл окно — чуть-чуть. Всего лишь на щелку, но и этого было достаточно. Снег во дворе уже начал таять. Чувствовалось дуновение теплого ветерка. Чинук — так называли его фабричные. И этот чинук залетел через окно в цех. Рабочие уже складывали инструмент. Среди них было много индейцев.

Мастер — приземистый коротышка с железными челюстями — заехал однажды аж до самого Дулута. Дулут лежал далеко за бескрайней голубизной озера в горах Миннесоты. И там приключилась с ним удивительная история.

А сейчас он сунул палец в рот, послонил его и подставил руку ветру. Влажная кожа ощутила теплое дуновение. Мастер грустно покачал головой и усмехнулся, глядя на рабочих, может, даже чуть угрюмо.

— Ого, ребята. Настоящий чинук, — сказал он.

Рабочие — большинство молчком — уже убрали инструмент. Недоделанные помпы уложили на стеллажи. Тесной гурьбой — кто переговариваясь на ходу, кто молча, а кто и мурлыкая что-то себе под нос, — все направились в умывальник.

Со двора донесся индейский боевой клич.

Скриппс О'Нил стоял перед Манселонской средней школой и глядел на ее освещенные окна. На улице было темно, валил густой снег. Он шел так давно, что Скриппс уже и припомнить не мог, с каких пор. Какой-то прохожий остановился и окинул Скриппса пристальным взглядом. Но, впрочем, что ему до этого человека? И он пошел себе дальше.

Скриппс стоял в снегу и не сводил глаз с освещенных школьных окон. Там, за этими окнами, люди чему-то учились. Они трудились до позднего вечера, и в этом стремлении к науке, в этой жажде знаний, что охватила тогда Америку, мальчишки соревновались с девочками. И его дочка, маленькая Пруси, которая стала ему в копеечку (одному врачу пришлось выбросить 75 долларов!), тоже была там, овладевала наукой. Скриппс ощутил гордость за нее. Самому ему учиться было уже слишком поздно, но там, за этими окнами, изо дня в день, из вечера в вечер, училась его Пруси. Молодец она все-таки, его девочка!

Скриппс повернул к дому. Домик у него был небольшой, но старуха Скриппса большего и не желала.

— Скриппс, — не раз говорила она, когда они с нею выпивали, — мне не нужен дворец. Все, что мне нужно, это хоть какое-никакое укрытие от ветра.

Скриппс поймал ее на слове. И теперь, возвращаясь вечером домой и заведя сквозь снег свет в собственных окнах, он приходил в восхищение оттого, что ему это удалось. Это ведь куда лучше, чем видеть перед собой дворец. Нет, он, Скриппс, вовсе не из тех, кому нужны дворцы.

Он открыл дверь и переступил порог. Какая-то смутная мысль все время крутилась у него в голове. Он пытался отогнать ее, но безуспешно. Как там написал поэт, с которым его приятель Гарри Паркер познакомился как-то в Детройте? Гарри часто цитировал эти строчки: «И роскошь и дворцы — мне все знакомо. Но... там-та-та-ра-рам... и все же лучше дома». Вот только слов никак не вспомнить — не все остались в памяти. А когда-то ведь он придумал к этому стишку нехитрую мелодию и даже выучил Люси напевать ее. Еще в то время, когда они только поженились. Если бы у него была возможность учиться дальше, он, Скриппс, мог бы стать композитором, не хуже тех, чьи опусы играет Чикагский симфонический оркестр. Вот он сегодня попросит Люси, чтоб спела эту песенку. А пить он больше не будет. От пьянства пропадает музыкальный слух. Например, когда он напивается, ночные гудки паровозов, беруших крутой подъем у Бойн-Фоллз, кажутся ему прекрасней

всего того, что написал этот самый Стравинский. Вот до чего доводит пьянство. Это не дело. Чем он хуже какого-то там Альберта Сполдинга, играющего на скрипке?

Скриппс открыл дверь и вошел.

— Люси! — позвал он. — Это я, Скриппс.

Нет, пить он бросит. Довольно их уже было, этих ночей над линией. Может, Люси нужно новую шубу. Может, в конце концов ей уже нужен дворец вместо этого дома. Женам ведь никогда не угодишь. А может, этот домишко вовсе и не защищает от ветра. А, глупости... Скриппс чиркнул спичкой.

— Люси! — опять крикнул он, и в голосе его прозвучало тупое отчаяние.

Точно такой же крик его приятель Уолт Симмонс слышал на Вандомской площади в Париже, когда автобус наехал на запряженного жеребца. В Париже коней не холостили. Все лошади были жеребцами. Кобыл не держали. Так было перед войной. После войны все стало по-другому.

— Люси! — в третий раз позвал он. — Люси!

Никто не откликнулся. Дом был пуст. И пока Скриппс стоял таким манером, долговязый и худой, один-одинешенек в собственном жилище, через пургу из далекого далека донесся до него индейский боевой клич.

3

Скриппс подался прочь из Манселоны. Ушел навсегда. Чего он мог добиться в этом городишке? Ничегошеньки. Тяни всю жизнь, как ишак, а потом вдруг на тебе!.. Всё, что зарабатывал, собирал годами, пошло по ветру. Развезлось, как дым... Он отправился искать работу в Чикаго. Вот это город! Достаточно только взглянуть на карту — лежит на самом краешке озера Мичиган. Чикаго — город с большим будущим. Это каждому дураку ясно. Он купит земельный участок там, где теперь Луп — большой торговый и промышленный район. Купит этот участок задешево и будет за него держаться крепко-крепко. Пусть только кто тронет! Теперь-то уж он знает, что к чему.

Один-одинешенек, без шапки, волосы все в снегу, он ковыляет по линии. Такой холодной ночи он за всю жизнь не упомнит. Вдруг он наклоняется, поднимает полуживую птицу, застывшую на лету и упавшую наземь, и кладет ее себе под рубашку, чтобы она согрелась. Птичка прижимается к теплому телу и благодарно клюет Скриппса в грудь.

— Бедняжка. Тебе тоже холодно. — Слезы наворачиваются у него на глаза. — Черт бы побрал этот ветер! — говорит Скриппс и снова движется навстречу снежной круговерти. Сильный ветер дует прямо с верхнего озера. Телеграфные провода над головой беспрестанно гудят от его порывов. Во мраке появляется вдруг огромный желтый глаз, летящий прямо на него. Это сквозь метель приближается громадина-паровоз. Скриппс отступает в сторону, давая ему дорогу. Как там писал старикан Шекспир? «Где сила, там и право». Скриппс думал над этой цитатой, пока поезд мчался мимо него в заснеженной мгле. Сперва проехал паровоз. Он увидел кочегара — тот, согнувшись, подбрасывал большой лопатой уголь в раскрытые дверцы топки. Машинист был в защитных очках. Его лицо озаряло светом пламени, бушевавшего в топке. Машинист... Машина была целиком во власти его рук. И Скриппсу вспомнились чикагские анархисты и то, что они сказали, когда их вешали: «Хоть вы сегодня и надели на нас петли, но все же... как там... как там... не сделать вам чего-то там с нашими душами». На Уолдхеймском кладбище, где их похоронили, стоит памятник — совсем рядом с Чикагским парком развлечений. Отец, бывало, водил туда Скриппса по воскресеньям. Памятник весь черный, с черным же ангелом. Скриппс тогда был еще совсем мал и ходил в коротких штанишках. Он часто просил отца: «Папа, раз уж мы ходим смотреть анархистов, то почему бы заодно не покататься с горки?» И никогда не мог толком понять отцовский ответ. Отец его был известный композитор, а мать — итальянка, из Северной Италии. Станные они все же люди, эти северные итальянцы.

Скриппс стоял обочь дороги, а в заснеженной темноте мимо него глухо стучал длинный черный состав. Все вагоны пульмановские. Занавески опущены. Свет пробивался лишь сквозь узенькие щелки с нижней стороны затемненных окон. Поезд не так громыхал, как при движении в обратную сторону, потому что как раз в это время одолевал бойн-фоллзский подъем. Стало быть, шел медленнее, чем сверху. Но все-таки на подножку не вскочишь. И Скриппс вспомнил, как здорово он цеплялся за бакалейные фургоны, когда еще бегал в коротких штанишках.

Длинный черный поезд шел мимо Скриппса, отступившего в сторону. «Кто едет в этих вагонах? — думал Скриппс. — Американцы, которые загребают деньги даже когда спят? Матери? Отцы? Есть ли среди них влюбленные? А может, это европейцы, представители пришедшей в упадок цивилизации, вконец измотанные войной?..»

Промелькнул последний вагон, и поезд стал отдаляться. Скриппс смотрел на хвостовой красный фонарь, медленно меркнувший во тьме, тихо кружившей снежинками. Птица под его рубашкой зашевелилась. Скриппс опять зашагал по шпалам. Ему хотелось, если удастся, добраться до Чикаго той же ночью, чтобы утром сразу взяться за дело. Птица снова зашевелилась. Она уже начала понемногу приходить в себя. Скриппс ласково погладил ее рукой. Птица затихла, Скриппс побрел дальше.

В конце концов ему совсем ни к чему забираться в Чикаго. Есть и другие места. Что с того, что какой-то там критик Генри Менкен назвал Чикаго литературной столицей Америки? Есть еще Гранд-Рapidс. В Гранд-Рapidсе он мог бы определиться куда-нибудь в мебельное производство. Подобным образом создавались немалые состояния. Мебель из Гранд-Рapidса славится всюду, где вечерами прогуливаются молодые, мечтающие о семейном очаге. Он вспомнил чикагскую рекламу, которую видел еще в детстве. На нее ему показала мать, когда они скитались босые там, где теперь, наверное, раскинулся Луп, и побирались у каждой двери. Мать любила смотреть, как весело вспыхивают лампочки рекламы.

— Они напоминают мне Сан-Миниато в моей родной Флоренции, — говорила она. — Посмотри на них внимательно, сынок. Настанет день, когда симфонический оркестр Флоренции будет играть твою музыку.

Скриппс часами глядел на светящиеся буквы, пока мать спала, завернувшись в старую шаль, там, где теперь, вероятно, стоит гостиница «Блэкстон». Это зрелище производило на него чрезвычайное впечатление.

ФИРМА ХАРТМАН ПРЕВРАТИТ ВАШ ДОМ В РАЙСКОЕ ГНЕЗДЫШКО, —

манила она и каждый раз вспыхивала другим светом. Сперва ярким, ослепительно-белым. Его Скриппс любил больше всего. Потом — мягким, зеленым. Потом красным. Однажды ночью, когда он лежал, свернувшись, возле теплого материнского тела и любовался игрой электрических огней, к ним подошел полисмен.

— А ну, убирайтесь отсюда! — строго сказал он.

Да-да, в мебельном деле, если знать, как за него взяться, можно нажить большие деньги. А он, Скриппс, знал всю эту штуку до тонкости. Он уже все решил. Он осадет в Гранд-Рapidсе. Птичка снова встрепенулась, теперь уже радостно.

— А какую чудесную позолоченную клетку я тебе смастерю, милая ты моя! — возбужденно сказал Скриппс.

Птичка доверчиво клюнула его. Скриппс широким шагом двинулся дальше сквозь метель. Колею уже стало заносить снегом. Принесенный ветром откуда-то издалека, до Скриппса долетел отголосок индейского боевого клича.

4

Куда попал Скриппс? Идя ночью в непогоду, он утратил всякое представление о времени и расстоянии. Он отправился в Чикаго после того жуткого вечера, когда обнаружил, что его дом уже не дом. Почему ушла Люси? Что стало с Пруси? Он, Скриппс, ничего не знал. Да и не очень-то его все это волновало, если разобраться. Все это осталось позади. И для него уже больше не существовало. Он стоял по колено в снегу перед железнодорожной станцией. На станционном строении большими буквами было написано:

ПЕТОСКИ.

На платформе в общей куче, закозлевшие и наполовину заметенные снегом, лежали около десятка убитых оленей, привезенных охотниками с Верхнего полуострова Мичигана, — их должны были погрузить на поезд. Скриппс снова прочел надпись. Неужели это Петоски?

В станционном здании, за окошечком с деревянной заслонкой, сидел человек и вроде бы что-то выстукивал. Он взглянул на Скриппса. Может, это телеграфист? Что-то подсказало Скриппсу, что так оно и есть.

Он выбрался из сугроба и подошел к окошечку. Человек и впрямь усердно орудовал телеграфным ключом.

— Вы телеграфист?

— Да, сэр, — отозвался тот. — Телеграфист.

— Поразительно!

Телеграфист окинул его подозрительным взглядом. В конце концов, что ему этот человек?

— Тяжело работать телеграфистом? — поинтересовался Скриппс.

Он хотел было сразу спросить, вправду ли это Петоски. Однако он не знал этого района Северной Америки и потому решил быть учтивым.

Телеграфист с любопытством поднял на него глаза.

— Скажите, вы не из сказки?

— Нет,— ответил Скриппс.— Я не понимаю, что это значит — «из сказки».

— А зачем вы носите с собой птицу?

— Птицу? — переспросил Скриппс.— Какую птицу?

— Ту, что у вас под рубашкой.

Скриппс оторопел. Кто он такой, этот телеграфист? И вообще — что за люди идут работать телеграфистами? Вроде композиторов? Или вроде художников? Или вроде писателей? Или, может, вроде тех, что делают рекламу для американских еженедельников? Или вроде европейцев, измотанных и опустошенных войной, понапрасну проживших свои лучшие годы? Можно ли рассказать этому телеграфисту все о себе? Поймет ли он?

— Я шел домой,— начал Скриппс.— Миновал Манселонскую школу...

— У меня в Манселоне знакомая девушка,— сказал телеграфист.— Этель Энтрайт. Может, знаете?

Значит, не к чему рассусоливать. Не стоит. Он не станет распространяться. Скажет только главное. К тому же на улице страшная холодина. Попробуй-ка постой на платформе, где бушует ледяной ветер. Что-то подсказывало Скриппсу: рассказывать дальше не стоит. Он посмотрел на оленей, что лежали кучей, застывшие и мерзлые. Наверно, и они когда-то любили. Среди них были самки и самцы. У самцов рога. Только так их и можно различить. С кошками дело куда трудней. Во Франции, например, котов кастрируют, а коней нет. Далеко же она, эта Франция...

— Меня бросила жена,— вдруг сказал Скриппс.

— Это и не удивительно, если вы бродите бог знает где, с птицей за пазухой,— сказал телеграфист.

— Что это за городок? — спросил Скриппс.

Миг духовного общения между ними оборвался. Впрочем, его и не было. А мог бы быть. Нечего и пытаться остановить то, что ушло. То, чему нет возврата.

— Петоски,— ответил телеграфист.

— Благодарю,— сказал Скриппс.

Он повернулся и побрел в это безмолвное и безлюдное сейчас северное местечко. К счастью, у него в кармане 450 долларов. Как раз перед тем, как идти пьянствовать со своей старухой, он продал Джорджу Хорасу Лоримеру один рассказ. И зачем он вообще пошел? К чему все это было, право?

Навстречу ему шли два индейца. Они глянули на Скриппса, но на их лицах не дрогнул ни один мускул. Их лица остались невозмутимыми. Оба зашли в парикмахерскую Маккарти.

Скриппс О'Нил потоптался перед дверью парикмахерской. Внутри былолюдно. Одних брили, других подстригали. Третьи сидели на высоких стульях вдоль стены и курили, ожидая своей очереди и любуясь развешанными на стенах картинами или собственными отражениями в длинном зеркале. Не зайти ли туда и ему, Скриппсу? В кармане у него четыре с половиной сотни. Значит, он может идти куда захочет. Он снова нерешительно заглянул в окно. Зрелище было заманчивое. Мужское общество, теплое помещение, белые халаты парикмахеров, сами мастера, ловко щелкавшие ножницами или наискось водившие лезвиями бритв по намыленным щекам клиентов. Они все-таки здорово орудовали своими инструментами, эти парикмахеры. И все же не этого хотелось Скриппсу. Ему хотелось чего-то другого. К тому же и о пичуге надо было позаботиться.

Скриппс О'Нил повернулся спиной к парикмахерской и, широко ступая, зашагал по улице этого безмолвного и холодного северного городка. По правую руку тянулся ряд плакучих берез, их голые ветви свисали под тяжестью снега до самой земли. Издалека до него донеслось слабое звяканье бубенцов. Наверно, по случаю рождества. На юге дети сейчас пускают шутих и выкрикивают: «Рождественский дар! Рождественский дар!» Его отец был с юга. Солдат повстанческой армии. Еще в дни Гражданской войны. Генерал Шерман сжег их дом во время своего похода к морю.

— Война — это адская штука, — сказал Шерман, — Но вы ведь все понимаете, миссис О'Нил. Я обязан это сделать, — и поднес спичку к старому дому с белыми колоннами.

— Негодай! — воскликнула мать Скриппса на своем ломаном английском. — Попробовали бы вы поднести спичку к этому дому, когда бы тут был генерал О'Нил.

Старый дом быстро загорелся. Огонь пополз вверх по стенам. Белые колонны скрылись из виду в туче дыма, становившегося все гуще и гуще. Скриппс крепко уцепился за материню платье, вроде бы из полушерсти.

Генерал Шерман снова сел на коня и низко поклонился.

— Миссис О'Нил... — молвил он. Мать Скриппса любила повторять, что в его глазах стояли слезы, хоть он и был чертов янки. У этого человека, говорила она, все-таки было сердце, но он не прислушивался к его голосу. — Миссис О'Нил, если бы тут был генерал, мы поговорили бы с ним как мужчина с мужчиной. К сожалению, уважаемая миссис, война есть война, и я вынужден сжечь ваш дом.

Он дал знак одному из своих солдат, тот выбежал вперед и плеснул в огонь ведро керосину. Взметнулось пламя, и в тихом предвечернем воздухе поднялся высокий столб дыма.

— Ну что ж, генерал, — злорадно сказала мать Скриппса. — Хорошо хоть, что этот столб дыма предупредит о вашем приближении других верных дочерей конфедерации.

Шерман снова поклонился.

— Нам приходится идти на этот риск, мэм.

Пришпорив коня, он поскакал прочь, и еще долго его белые волосы развевались на ветру. Ни Скриппс, ни его мать никогда больше его не видели... Странно, что этот случай вспомнился ему именно сейчас. Он поднял голову. Перед ним была вывеска:

ЗАКУСОЧНАЯ БРАУНА «КУС НА ЛЮБОЙ ВКУС»

Вот сейчас он зайдет и поест. Это как раз то, что ему нужно. Зайдет и поест. А вывеска-то какая: «Кус на любой вкус»!

О, у этих владельцев закусовых есть головы на плечах! Они умеют привлечь посетителей. Зачем им объявления в «Сэтердей ивнинг пост». «Кус на любой вкус» — вот это вещь! И он двинулся к дверям.

Переступив порог, Скриппс О'Нил обвел помещение взглядом. Длинная стойка, над ней часы. Дверь в кухню. Несколько столиков. Гора пирожков под стеклянным колпаком. На стенах таблички с надписями, предлагающими посетителям различные яства. А впрочем, в самом ли деле это закусочная Брауна?

— Будьте любезны, — обратился Скриппс к немолодой официантке, которая в этот момент вышла из кухонной поворотной двери. — Скажите: это закусочная Брауна?

— Да, сэр, — ответила она. — «Кус на любой вкус».

— Спасибо, — сказал Скриппс и подсел к стойке. — Принесите, пожалуйста, тушеных бобов — мне и моей пичуге.

Он растегнул рубашку и выпустил птицу на стойку. Она нахохлилась и встрепенулась. Потом требовательно клюнула бутылку с кетчупом. Официантка протянула руку и погладила птицу.

— Смотри, какая смелая птаха! — заметила она, но тут же опомнилась и смутилась. — Простите, что вы заказали, сэр?

— Бобы, — повторил Скриппс. — Для себя и для птицы.

Официантка приоткрыла окошечко в кухню. На миг Скриппс увидел теплое, заполненное паром помещение и там — большие

кастрюли и чайники и ряд блестящих жестянок на стенной полке.

— Две порции бобов! — деловым тоном крикнула официантка в окошечко. — Одну со свининой и одну простую — для птицы.

— Один момент! — отозвался голос из кухни.

— Сколько же ей, вашей пташке? — спросила официантка.

— Не знаю, — ответил Скриппс. — Я ведь ее подобрал только сегодня вечером, когда шел по железной дороге из Манселоны. Меня бросила жена.

— Бедная крошка, — сказала официантка. Она капнула себе на палец кетчупа, и пташка благодарно клюнула его.

— Меня бросила жена, — снова сказал Скриппс. — Мы пошли выпивать на железную дорогу. Мы часто ходили туда по вечерам и смотрели на поезда. Я пишу рассказы. Один напечатан в «Пост», а еще два в «Дайэл». Менкен хочет прибрать меня к рукам. Но я не такой дурак, Ни к чему мне эта Polizei¹. Начал я на их Katzenjammer².

Что за чушь он несет? Бред какой-то. Нет, так нельзя. Надо взять себя в руки.

— Скофилд Тейер был моим лучшим другом, — продолжал он. — Я закончил Гарвардский университет. Единственное, чего я от них хочу, — это человеческого отношения ко мне и к моей птице. Хватит с меня этой Weltpolitik³. К черту доктора Кулиджа!

Мысли его путались. Он знал, почему. Это было упоминание от голода. Слишком уж дал себя знать резкий северный воздух.

— Послушайте, — сказал он. — Не принесли бы вы мне хоть немножко этих самых бобов? Вообще-то я не люблю никого подгонять и хорошо понимаю, когда надо оставить человека в покое.

Окошечко приоткрылось, и появились две дышащие паром тарелки с бобами: одна большая, другая — маленькая.

— Пожалуйста, — сказала официантка.

Скриппс набросился на большую тарелку. Кроме бобов, там лежал маленький кусочек свинины. Птичка весело клевала бобы, каждый раз запрокидывая головку, чтобы проглотить.

— Это она благодарит бога за вкусную еду, — заметила официантка.

— Ага, бобы чудесные, — согласился Скриппс.

¹ Полиция (нем.).

² Похмелье (нем.).

³ Мировая политика (нем.).

От съеденной пищи в голове у него стало понемногу проясняться. Что за чушь он тут плел об этом Генри Менкене? Или Менкен и впрямь его преследует? Ничего себе перспективы! У него ведь в кармане 450 долларов. А когда они кончатся, он всегда сумеет положить этому конец. Если на него будут уж слишком давить, он их порадует! Пусть только попробуют...

Наклевавшись, птичка уснула. Она спала, стоя на одной ножке, а другую поджала, спрятала в перьях.

— Когда ножка у нее притомится, она станет на другую, а этой даст отдохнуть, — пояснила официантка. — У нас дома была старая скопа, так она тоже так спала.

— А где был ваш дом? — спросил Скриппс.

— В Англии. В Озерном крае. — Официантка грустно усмехнулась. — Родина. Уордсворта, помните?..

Ох уж эти англичане! Разбрелись по всему земному шару. Не сидится им, видишь ли, на своем островке. Удивительный нордический люд, одержимый мечтой об империи.

— Я ведь не всегда была официанткой, — обратила на себя его внимание собеседница.

— Уверен, что нет.

— Ну да? — не поверила она. — Это довольно странная история. Но, может, вам неинтересно?

— Что вы, напротив, — ответил Скриппс. — Вы не будете возражать, если я когда-нибудь использую ее для рассказа?

— Ради бога, если только вы найдете ее интересной, — улыбнулась официантка. — Только вы, конечно, не назовете моего имени?

— Разумеется, если вы не хотите, — сказал Скриппс. — Кстати, можно заказать еще тарелку бобов?

— Распробовали? — улыбнулась официантка.

Лицо у нее было серое и испещренное морщинами. Было в нем что-то от той актрисы, что умерла в Питтсбурге. Как же ее звали? Кажется, Ленора Ульрик. Она играла в «Питере Пэне». Ну да. Говорили еще, будто она всегда закрывала лицо вуалью, вспомнил Скриппс. Славная была женщина. Вот только Ленора Ульрик ли? Может, и нет. А впрочем, все равно...

— Вы в самом деле еще хотите бобов? — спросила официантка.

— Да, — просто ответил Скриппс.

— Еще одну большую! — крикнула она в окошечко. — Птице больше не нужно.

— Один момент, — послышался ответ.

— Ну так рассказывайте, прошу вас, — мягко сказал Скриппс.

— Это случилось в год Парижской выставки,— начала она.— Я была тогда еще совсем молодой, *jeune fille*¹, я приехала из Англии вместе с матерью. Мы хотели попасть на открытие. По дороге с Северного вокзала до гостиницы на Вандомской площади, где нас уже ожидал номер, мы заехали в парикмахерскую и купили там какую-то мелочь. Мать, помню, взяла запасной флакон нюхательной соли — так называют ее тут, в Америке...— Она усмехнулась.

— Да, да, я слушаю. Нюхательная соль, — подтвердил Скриппс.

— Мы, как и положено, зарегистрировались в гостинице, и нам дали две смежные комнаты — именно так мы и заказывали. Маме немного нездоровилось после дороги, и мы поужинали в номере. Я была до крайности возбуждена тем, что завтра увижу знаменитую выставку. Но дорога утомила и меня — когда переплывали Ламанш, нас здорово качало, — и я крепко заснула. Проснувшись утром, я позвала матушку. Она не отозвалась, и я пошла ее будить. Но вместо матери я увидела в ее постели какого-то французского генерала.

— *Mon Dieu!*² — воскликнул Скриппс.

— Я страшно перепугалась, — продолжала официантка. — Потом позвонила, чтобы вызвали управляющего. Пришел портье, и я попросила объяснить, где моя мать. «Что вы, мадемуазель! — ответил портье. — Мы и знать не знаем. Вы приехали сюда с генералом таким-то...». Как, бишь, его? Никак не припомню фамилии...

— Пусть будет генерал Жоффр, — предложил Скриппс.

— Да, что-то вроде этого, — сказала официантка. — Я была сама не своя от страха. Вызвали полицию, я потребовала регистрационную книгу. «Увидите, — говорю, — что я записана вместе с матерью». Пришли полицейские, и портье принес книгу. «Вот смотрите, мадемуазель. Вы записаны тут с этим генералом, с ним и приехали вчера вечером в нашу гостиницу». Я была в отчаянии. Наконец, вспомнила, где находится парикмахерская. Послали за парикмахером. Ажан привел его в гостиницу. «Я вчера заходила к вам со своей матерью, — сказала я парикмахеру. — И мать купила у вас флакон нюхательной соли». «Я хорошо вас помню, мадемуазель, — отвечал парикмахер. — Но вы были не с матерью. Вы были с пожилым французским генералом. И он, кажется, купил щипчики для усов. Во всяком случае, покупка записана в моих книгах, можно уточнить». Я себя не помнила от горя. Тем временем полицей-

¹ Молодая девушка (франц.).

² Боже мой! (франц.).

ские привели извозчика, который доставил нас от вокзала в гостиницу. Он тоже клялся, что я была не с матерью... Ну как, не надоела вам моя история?

— Продолжайте, продолжайте, — сказал Скриппс. — Если бы вы только знали, как трудно найти хороший сюжет!

— Ну, — сказала официантка, — да это почти и все. С тех пор я больше никогда не видела мамы. Обратилась в посольство, но и там ничем не могли помочь. Правда, в конце концов они установили, что Ламанш я переплыла вместе с нею, но большего добиться не удалось. — На глазах немолодой официантки выступили слезы. — Так я больше и не видела своей мамочки. Никогда. Ни разу.

— Ну, а что генерал?

— В конечном итоге он одолжил мне сто франков — деньги небольшие, даже по тому времени. Я поехала в Америку и стала официанткой. Вот и вся история.

— Да нет, наверно, не вся, — усомнился Скриппс. — Голову даю наотрез, что не вся.

— Знаете, иногда и мне так кажется, — согласилась официантка. — Я чувствую, что это далеко не все. Должно же быть какое-то пояснение наконец. Сама не знаю, почему эта история сегодня с самого утра не идет у меня из головы.

— Хорошо, что вы сбросили с души этот груз, — сказал Скриппс.

— Да, — усмехнулась официантка, и морщинки на ее лице разгладились. — Даже как-то легче стало.

— Скажите, — спросил ее Скриппс, — не найдется ли в вашем городе для нас с пичугой какой-нибудь работы?

— Честной? — спросила официантка. — Я знаю только о такой.

— Да, честной, — подтвердил Скриппс.

— Я слышала, требуются рабочие на новую помповую фабрику, — сказала официантка.

В самом деле, почему бы ему не попробовать делать что-нибудь руками? Работал же ими Роден. Вон и Сезанн был мясником. А Ренуар — плотником. Пикассо в детстве работал на табачной фабрике. Гилберт Стюарт — тот самый, что нарисовал знаменитые портреты Вашингтона, репродукции которых висят теперь в каждом классе любой американской школы, — Гилберт Стюарт был когда-то кузнецом. А еще Эмерсон... — подручный у маляра. Джеймс Рассел Лоуэлл, как слышал Скриппс, в молодости служил телеграфистом. Как тот парень на станции. И кто знает, может, и он, этот местный телегра-

фист, уже пишет свой «Thanatopsis»¹ или это, «Водяным птицам»². Почему бы тогда и ему, Скриппсу О'Нилу, не поступить на помповую фабрику?

— Вы еще зайдете? — спросила официантка.

— Если позволите.

— И пташку свою тоже приносите.

— Хорошо, — сказал Скриппс. — А сегодня она, бедняга, устала. Право, ночь выпала нелегкая, особенно для нее.

— Еще бы! — согласилась официантка.

Скриппс снова вышел на улицу. В голове у него окончательно прояснилось, и он чувствовал себя готовым к новой жизни. Помповая фабрика — это тебе не фунт изюму! Помпы теперь везде нужны. На Уолл-стрите в Нью-Йорке люди каждый божий день наживают и теряют на помпах целые состояния. Скриппс сам слышал об одном таком — меньше чем за полчаса он сорвал на этих помпах куш в добрых полмиллиона. Уж они-то знают, откуда ветер дует, эти великие дельцы с Уолл-стрита.

Оказавшись на улице, он оглянулся на вывеску. «Кус на любой вкус». Хорошая приманка, ничего не скажешь. Правда ли, что у них поваром негр? Один раз, когда окошечко на кухню осталось приоткрытым, ему на миг показалось, будто там мелькнуло что-то черное. А может, повар просто вымазался возле плиты?

¹ «Размышления о смерти» — поэма американского поэта У. К. Брайэнта (1794—1878), до сих пор являющаяся одной из самых известных американских поэм.

² Его же стихотворение.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ

И я торжественно заявляю, что не имел ни малейшего намерения кого-либо опорочить или очернить, ибо, хотя все тут доподлинно списано с книги природы и вряд ли найдется хоть один персонаж или событие, взятые не из моих собственных наблюдений и опыта, я постарался всячески затемнить выведенные образы различными обстоятельствами, ложными приметами и красками, так чтобы сквозь них не проглядывали подлинные приметы времени, а если они и проглядывают, то разве только там, где изображаемый порок настолько незначителен, что кажется выдумкой, над которой и сам прототип может посмеяться вместе со всеми.

Генри Филдинг.

1

Скриппс пошел искать место. Честное слово, ему не повредит поработать своими руками. От закускойной он двинулся мимо парикмахерской Маккарти. Заходить туда он не стал. Выглядела парикмахерская так же заманчиво, как и раньше, но Скриппсу в первую очередь нужна была работа. Он резко свернул за угол и очутился на главной улице Петоски. Красивая широкая улица, по обеим сторонам кирпичные и каменные дома. Улица привела Скриппса к той части города, где находилась помповая фабрика. Он растерянно остановился у входа. А в самом ли деле это помповая фабрика? Правда, рабочие непрерывно выносили оттуда помпы и ставили их на снег, а потом обдавали водой из ведер, чтобы они покрылись ледяной

коркой, которая защитит их от зимней непогоды не хуже любой краски. А вправду ли это помпы? Может, тут какой-нибудь подвох? Эти помповые дельцы — известные бестии.

— Послушайте! — обратился Скриппс к одному из рабочих, который поливал водой еще не обсохшее, только что вынесенное новенькое изделие, стоявшее на снегу как бы в молчаливом протесте. — Это помпы?

— Со временем будут помпы, — сказал рабочий.

Скриппс наконец удостоверился в том, что это-таки помповая фабрика. Его не проведешь. Он пошел к дверям. На них висела табличка:

ВХОДИТЬ ЗАПРЕЩАЕТСЯ. ВАМ ТОЖЕ.

«И мне?» — подумал Скриппс. Потом постучал и вошел.

— Я хотел бы поговорить с управляющим, — сказал он, стоя в темноте.

Мимо него сновали рабочие с новыми, еще не обработанными насосами на плечах. Они мурлыкали обрывки каких-то песен. Рычаги гремели, словно протестуя. На некоторых помпах рычагов не было. «Им, пожалуй, еще и повезло», — подумал Скриппс. К нему подошел невысокого роста человек — крепко сбитый, приземистый, с широкими плечами и мрачным лицом.

— Вы хотели видеть управляющего?

— Да, сэр.

— Я тут мастером. Мое слово — закон.

— А нанимать и увольнять тоже имеете право? — спросил Скриппс.

— Могу и то и другое. За милую душу, — ответил мастер.

— Мне нужна работа.

— Опыт есть?

— В помповом деле нет.

— Ладно, — сказал мастер. — Будете работать сдельно. Эй, Йогн! — позвал он одного из рабочих, который стоял и смотрел в окно. — Покажи новенькому, где ему приткнуться и как ориентироваться в этих дебрях. — Мастер внимательно осмотрел Скриппса с ног до головы. — Я австралиец, — сказал он. — Надеюсь, вам понравится у нас на фабрике.

Рабочий, которого звали Йогн Джонсоном, отошел от окна.

— Рад познакомиться, — сказал он.

Это был коренастый, хорошо скроенный человек. Один из тех, кого можно встретить почти всюду. Он, казалось, немало повидал на своем веку.

— Ваш мастер — первый австралиец, которого я вижу в жизни, — сказал Скриппс.

— Да никакой он не австралиец, — возразил Йоги. — Просто во время войны служил вместе с австралийцами и вот с тех пор под впечатлением.

— А вы были на войне? — спросил Скриппс.

— Да, — сказал Йоги Джонсон. — Я пошел первым из Кадиллака.

— Наверное, есть что вспомнить?

— Для меня это много значило, — подтвердил Йоги. — Идемте, покажу вам наше хозяйство.

Скриппс последовал за этим человеком, который повел его по фабрике. В цехах было сумрачно, но тепло. Одни рабочие, голые по пояс, огромными клещами снимали помпы с конвейера, отбрасывали непригодные, а хорошие ставили на другой конвейер, который транспортировал их в охлаждающую камеру. Другие, большей частью индейцы, вся одежда которых состояла из тряпки, обернутой вокруг бедер, разбивали забракованные помпы молотами и теслами, а потом переплавляли их на топоры, рессоры к фургонам, ползуны, формы для отливки пуль — разнообразные побочные изделия большой фабрики. Как заметил Йоги Джонсон, тут ничего не пропадало даром. Несколько мальчишек-индейцев сидели на корточках в углу в стороне от большой вагранки и, мурлыча какую-то древнюю песню своего племени, делали из мелких наплывов, получавшихся при отливке помп, лезвия безопасных бритв.

— Они работают нагишом, — сказал Йоги. — А когда выходят отсюда, их все равно обыскивают. Иногда, впрочем, они умудряются спрятать лезвия и потом продают на стороне.

— Наверное, это немалый ущерб для фабрики, — сказал Скриппс.

— Да нет, — возразил Йоги. — Охрана почти все отбирает.

В отдельном помещении наверху работали два старика. Йоги открыл дверь. Один старик быстро глянул поверх очков в стальной оправе и нахмурился.

— Сквозит, — сказал он.

— Закройте дверь, — недовольно бросил второй старик тонким старческим голосом.

— Эти двое — мастера ручной работы, — пояснил Йоги Джонсон. — Они делают помпы, которые наша фабрика посылает на большие всемирные выставки. Может, помните наш «Несравненный водосос», который завоевал первенство на международной ярмарке в Италии, когда там убило Фрэнки Досона?

— Я читал об этом в газетах,— ответил Скриппс.

— Так вот, этот «Несравненный» был сделан мистером Борроу — вон он, в том углу. Сделал сам, собственными руками,— сказал Йог.

— Просто выстрогал из стали вот этим резцом.— Мистер Борроу поднял похожий на бритву нож с коротким лезвием.— Полтора года строгал.

— «Несравненный водосос» был хорошей помпой,— подтвердил дедок с тонким голосом.— Но теперь мы мастерим такую, что обставит любую зарубежную модель. Правда, Генри?

— Это мистер Шо,— пояснил Йог вполголоса.— Едва ли не величайший из живущих помповых мастеров.

— Шли бы вы, ребята, своей дорогой и не мешали нам работать,— сказал мистер Борроу. Он упорно что-то резал, и его нетвердые руки слегка дрожали.

— Да пусть посмотрят,— вмешался мистер Шо.— Откуда ты, сынок?

— Только-только из Манселоны,— сказал Скриппс.— Меня бросила жена.

— Ничего. Другую найдешь,— сказал мистер Шо.— Парень ты видный. Только послушай моего совета: не спеши. Жить с плохой женой немногим лучше, чем совсем без жены.

— Э, не скажи, Генри,— возразил мистер Борроу своим тонким голосом.— По нынешним временам так любая женщина хороша.

— Послушайся, сынок, меня и не торопись. Выбери себе на этот раз хорошую женушку.

— В таких делах Генри знает толк,— сказал мистер Борроу.— Зря советовать не станет.— Мистер Борроу засмеялся своим тоненьким кудахчущим голоском.

Мистер Шо, старый помповый мастер, покраснел.

— Ну ладно, ребята, идите. Нам с Генри еще работать и работать.

— Очень рад был познакомиться с вами,— сказал Скриппс.

— Пошли,— сказал Йог.— Надо приобщить вас к делу, а то еще влетит мне от мастера.

Он поставил Скриппса подгонять клапаны. Эту подгонку Скриппсу пришлось делать целый год. С одной стороны, это был счастливый период его жизни, с другой — кошмар. Страшный кошмар. В конце концов дело даже стало ему нравиться. Правда, иногда все становилось ужасно противным. Он оглянуться не успел, как пролетел год. А он все подгонял клапаны. А какие удивительные дела творились в этом году! Скриппс часто размышлял о них. Размышляя, он — теперь уже

почти машинально — подгонял клапан за клапаном, а сам прислушивался к смеху, который доносился снизу, где мальчишки-индейцы обтачивали пластинки, из которых должны были получиться лезвия безопасных бритв. В такие минуты к горлу подступал комок, спирая дыхание.

2

Вечером, после первого своего дня на помповой фабрике, дня, который положил или должен был положить начало веренице нудных дней, когда он возился с клапанами. Скриппс снова отправился в закусочную. Целый день он прятал свою пичугу под одеждой. Что-то подсказывало ему, что помповая фабрика не из тех мест, где бы можно выпустить птицу. В течение дня она доставляла ему немало хлопот, но наконец он удобно пристроил ее под рубашкой и даже прорезал небольшую дырочку, чтобы она могла высовывать клюв и дышать свежим воздухом. И вот рабочий день кончился. Остался позади. Скриппс идет в закусочную. Скриппс счастлив, что работает собственными руками. Он думает о тех двух старых помповых мастерах. Он проведет вечер в обществе приветливой официантки. А все же, кто она такая, эта официантка? Что произошло с ней в Париже? Нужно будет побольше узнать об этом Париже. Йоги Джонсон был там. Надо порасспросить Йоги. Заставить его разговариваться. Вызвать на откровенность. Пусть расскажет, что знает. Он, Скриппс, все из него вытянет.

Наблюдая заход солнца вдали за Петосской гаванью, где на замерзшем озере огромные льдины наплзали на волнолом, Скриппс широкими шагами двигался по улицам Петоски к закусочной. Он хотел пригласить и Йоги Джонсона поужинать, да не решился. Пока еще рановато. Это никуда не уйдет. Всему свое время. С таким человеком, как Йоги, спешить не следует. А все же, кто он такой, этот Йоги? В самом ли деле был на войне? Что значила для него война? Правда ли то, что он первым из Кадиллака пошел на войну? Да и где он, кстати, этот Кадиллак? Ничего, со временем все объяснится.

Скриппс О'Нил открыл дверь и вошел в закусочную. Немолодая официантка поднялась со стула, где она читала американское издание «Манчестер гардиан», и положила на кассу газету и свои очки в железной оправе.

— Добрый вечер, — просто сказала она. — Очень рада, что вы снова к нам завернули. Садитесь. Прошу.

В душе Скриппса что-то шевельнулось. На него нахлынуло какое-то непонятное чувство.

— Я сегодня целый день работал для вас. — Скриппс посмотрел на официантку. — Для вас, — добавил он.

— Чудесно! — сказала она и застенчиво улыбнулась. — И я целый день работала для вас.

У Скриппса навернулись слезы. В душе снова что-то шевельнулось. Он потянулся, чтобы взять официантку за руку, и она со спокойным достоинством вложила свою руку в его.

— Вы моя женщина, — сказал он.

Теперь и у нее навернулись слезы.

— А вы мой мужчина, — отозвалась она.

— Повторяю: вы моя женщина, — торжественно произнес Скриппс. И снова что-то надорвалось в его душе. Он почувствовал, что вот-вот заплачет.

— Пусть это будет наша помолвка, — сказала немолодая официантка.

Скриппс сжал ее руку.

— Вы моя женщина, — сказал он просто.

— А вы мой мужчина, даже больше, чем мужчина. — Она заглянула ему в глаза. — Вы для меня — вся Америка.

— Идемте, — сказал Скриппс.

— А птица при вас? — спросила официантка, сняв фартук и складывая «Манчестер гардиан». — Я возьму с собой «Гардиан», если не возражаете, — сказала она, заворачивая газету в передник. — Это последний номер, я его еще не прочла.

— Больше всего люблю «Гардиан», — сказал Скриппс. — В нашем доме читали его с тех пор, как я себя помню. Отец просто обожал Гладстона.

— А мой отец учился с Гладстоном в Итоне, — сказала официантка. — Ну, я готова.

Она уже надела пальто и стояла, держа в руке истертый черный сафьяновый футляр с очками в железной оправе и передник с «Манчестер гардиан».

— А шляпки у вас нет? — спросил Скриппс.

— Нет.

— Я куплю вам, — сказал Скриппс с нежностью.

— Пусть это будет вашим свадебным подарком, — согласилась немолодая официантка. В ее глазах опять заблестели слезы.

— А теперь идем, — сказал Скриппс.

Немолодая официантка вышла из-за стойки, и они вдвоем, вставшись за руки, ступили во тьму.

Черный повар приоткрыл окошечко и выглянул в зал.

— Ушли, — усмехнулся он. — Ушли в ночь. Вот так-так! Он тихонько закрыл окошечко. Даже его все это поразило.

Полчаса спустя Скриппс О'Нил и немолодая официантка вернулись в закусочную мужем и женой. Там за это время ничего не изменилось. Та же длинная стойка, на ней солонки, сахарницы, бутылочки с кетчупом и вустерширским соусом. То же окошечко на кухню. За стойкой подменная официантка, приятная полнотелая девушка с веселым лицом, в белом передничке. Рядом сидит какой-то коммивояжер и читает детройтскую газету. Он ест бифштекс с косточкой и жареной картошкой. Со Скриппсом и немолодой официанткой случилось нечто диковинное: они почувствовали голод. Им захотелось есть.

Пожилая официантка смотрит на Скриппса. Скриппс смотрит на пожилую официантку. Коммивояжер читает газету, то и дело сдabривая картошку кетчупом. Вторая официантка, Мэнди, стоит за стойкой в свеженакрахмаленном переднике. На окнах мороз. В закусочной тепло. На дворе холодина. Птица Скриппса, выпущенная на стойку и вся взъерошенная, перебирает клювом перышки.

— Значит, вы вернулись? — сказала Мэнди, вторая официантка. — А повар сказал, вы канули в ночи.

Немолодая официантка взглянула на Мэнди. Глаза ее блеснули, голос стал спокойней и как будто глубже и звонче.

— Мы теперь муж и жена, — дружелюбно ответила она. — Только что поженились. Ты что будешь, Скриппс, милый?

— Не знаю, — ответил Скриппс. Он почувствовал какую-то смутную тревогу. В душе его что-то шевельнулось.

— Может, ты уже наелся этих бобов, милый? — сказала немолодая официантка, теперь жена Скриппса.

Коммивояжер оторвал взгляд от газеты. Скриппс заметил, что это детройтская «Ньюс». Хорошая газета.

— Хорошую газету вы читаете, — сказал Скриппс коммивояжеру.

— Да, «Ньюс» — газета неплохая. Так, значит, у вас медовый месяц?

— Да, — ответил Скриппс. — Мы теперь муж и жена.

— И правильно сделали, честное слово, — поддержал его коммивояжер. — Я и сам женатый.

— Да что вы? — удивился Скриппс. — А меня жена бросила. Это было в Манселоне.

— Не надо об этом, Скриппс, милый, — сказала миссис Скриппс. — Ты уже столько раз рассказывал эту историю.

— Да, милая, — согласился Скриппс.

Он почувствовал какое-то смутное недоверие к самому себе. В глубине его души что-то шевельнулось. Он глянул на официантку, которую звали Мэнди, крепкую и ужасно симпатичную в своем свеженакрахмаленном белом переднике. Он смотрел на ее руки — крепкие, спокойные, умелые, уверенно исполнявшие работу.

— Советую вам взять бифштекс с жареной картошкой, — сказал коммивояжер. — Это блюдо здесь очень вкусное.

— Хочешь бифштекс, дорогая? — спросил Скриппс жену.

— Мне, пожалуй, довольно будет стакана молока с печеньем, — ответила немолодая миссис Скриппс. — А ты бери что хочешь, милый.

— Вот тебе молоко с печеньем, Диана. — Мэнди поставила на стойку заказ. — А вам бифштекс, сэр?

— Да, — ответил Скриппс. И снова внутри его что-то шевельнулось.

— Прожаренный или с кровью?

— С кровью, пожалуйста.

Официантка повернулась и крикнула в окошечко:

— Один бифштекс! С кровью.

— Благодарю, — сказал Скриппс.

Он все разглядывал официантку Мэнди. У нее, у этой девушки, определено дар на красное словцо. На то самое красноречие, которое пленило Скриппса в его теперешней жене. Красноречие да еще ее необычное происхождение. Англия. Озерный край. Скриппс идет по Озерному краю вместе с Вордсвортом. Море золотистых нарциссов. Ветер веет над Уиндермером. А далеко вдали, вероятно, загнанный олень. Ах, нет, это же дальше на север, в Шотландии. Отважные они люди, эти шотландцы, — засели в своих крепостях. Гарри Лодер и его трубка. Солдаты шотландского полка в Великой войне. А почему он, Скриппс, не был на войне? На той войне, которую испытал на себе Йоги Джонсон. Она бы сыграла в его жизни немалую роль. И чего только он не пошел на войну? Может, он уже старый? А тот французский генерал Жоффр! Он, Скриппс, наверняка куда моложе этого старого генерала. А еще был генерал Фош, который молился за победу. Французские войска стояли на коленях вдоль Шмен де Дам и молились за победу. Немцы со своим «Gott mit uns»¹. Какое кощунство! Конечно же, он не старше этого французского генерала Фоша, думал о себе Скриппс.

Официантка Мэнди поставила перед ним бифштекс с жареной картошкой. Когда она подавала тарелку, их руки даже со-

¹ «О нами бог» (нем.).

прикоснулись — всего на какое-то мгновение. Скриппс почувствовал, как по всему его телу прошла сладкая дрожь. Вся жизнь у него впереди. Он вовсе не старый. И почему только сейчас нет нигде войн? А впрочем, кажется, есть. Война в Китае, китайский народ, китайцы убивают друг друга. Вот бы узнать, за что? В чем там, собственно, дело?

Мэнди, полнотелая официантка, наклонилась к нему.

— Послушайте, — спросила она, — я никогда не рассказывала вам о последних словах Генри Джеймса?

— Ну как же, милая, — ответила миссис Скриппс. — Эта история у тебя уже, наверное, в зубах навязла.

— Нет-нет, давайте, — запротестовал Скриппс. — Меня очень интересует Генри Джеймс.

Генри Джеймс. Генри Джеймс. Тот, который покинул родной край и подался в Англию, к англичанам. Зачем он это сделал? Ради чего оставил Америку? Разве не здесь были его корни? Его брат Уильям. Бостон. Прагматизм. Гарвардский университет. Старый Джон Гарвард в туфлях с серебряными пряжками. Чарли Брикли. Эдди Махан. Где же они теперь?

— Вот как это было, — начала Мэнди. — Генри Джеймс принял британское подданство уже на смертном одре. Как только король услышал о том, что Генри Джеймс стал британским подданным, он тут же послал Джеймсу самую высокую награду, какую только мог дать, — орден «За заслуги».

— «Зэ-Зэ», — уточнила немолодая официантка.

— Правильно, — сказала Мэнди. — Вместе с королевским чиновником, который принес орден, пришли профессора Госс и Сентсбери. Генри Джеймс лежал на смертном одре, и глаза его были закрыты. На столике около кровати горела одна-единственная свеча. Сиделка позволила им подойти, и они надели орденскую ленту Генри Джеймсу на шею, а сам орден положили на грудь поверх простыни. Потом наклонились и расправили ленту. Но Генри Джеймс даже и тогда не разомкнул век. Сиделка велела им всем уйти, и они повиновались. А когда вышли из комнаты, Генри Джеймс обратился к сиделке. Глаз он и тогда не открыл. «Няня, — сказал он, — потушите свечку, няня, чтобы никто не увидел, как мне стыдно». Это были его последние слова.

— Джеймс был настоящий писатель, — сказал Скриппс. Эта история страннаго его тронула.

— Ты всякий раз рассказываешь об этом по-другому, милая, — заметила миссис Скриппс Мэнди.

В глазах Мэнди заблестели слезы.

— Мне так жаль Генри Джеймса, — сказала она.

— А что с ним такое случилось, с этим Генри Джеймсом? — спросил коммивояжер. — Разве так уж плохо ему было в Америке?

Скриппс думал о Мэнди-официантке. Какое, должно быть, у этой девушки происхождение! А сколько разных историй она, наверное, знает! С такой помощницей никогда не заскучаешь! Он погладил птичку, сидевшую перед ним. Птичка клюнула его в палец. Может, это ястребенок? Или соколенок из больших мичиганских питомников, где выкармливают ловчих птиц? А может, это малиновка, одна из тех, что уже в начале весны охотятся за первыми червяками где-нибудь на зеленой лужайке? Кто знает...

— Как звать вашу птицу? — спросил коммивояжер.

— Я еще не дал ей имени. Может, вы это сделаете?

— Почему бы не назвать ее Ариэль? — предложила Мэнди.

— Или Пак, — вставила миссис Скриппс.

— А что это такое? — спросил коммивояжер.

— Это шекспировский персонаж, — пояснила Мэнди.

— Да пожалейте вы несчастную птицу!

— А как бы ее назвали вы? — обратился Скриппс к коммивояжеру.

— Это случайно не попугай? — спросил тот. — Если попугай, можно бы назвать Полли.

— В «Опере нищих» есть персонаж по имени Полли, — пояснила Мэнди.

Скриппс задумался. А может, это и вправду попугай? Попугай, который выпорхнул сдуру из уютного дома какой-нибудь новоанглийской старой девы, оставив ее непаханное поле.

— Подождите лучше, пока не определится точно, что это такое, — посоветовал коммивояжер. — С именем всегда успеется.

У этого коммивояжера здравые мысли. Ведь он, Скриппс, даже не знал, какого пола его птица. Мужского или женского.

— Подождите, пока не убедитесь, станет ли она класть яйца, — предложил коммивояжер.

Скриппс заглянул ему в глаза. Этот человек словно прочитал его мысли.

— Вы человек сведущий, — сказал он.

— Недаром же столько лет езжу, — скромно признался тот.

— Ваша правда, дружище, — сказал Скриппс.

— Повезло вам — достать такую птицу, — сказал коммивояжер. — Смотрите не упустите.

Скриппс и сам это знал. Ох уж эти коммивояжеры — ушлые ребята, ей-богу. Странствуют вдоль и поперек нынешней Америки. Все видят, все примечают. Уж их-то дураками никак не назовешь.

— Послушайте, — сказал коммивояжер. Он сдвинул свой котелок на затылок и, наклонившись, сплюнул в высокую бронзовую плательницу, стоявшую рядом с его стулом. — Я хочу рассказать вам преинтереснейшую историю, случившуюся со мной в Вей-сити.

Официантка Мэнди подалась вперед. Миссис Скриппс наклонилась к коммивояжеру, чтобы лучше слышать. Коммивояжер с извиняющимся видом посмотрел на Скриппса и погладил птичку пальцем.

— Нет, брат, лучше как-нибудь в другой раз, — сказал он.

Скриппс понял. Из кухни через окошечко в стене доносился тонкий безудержный смех. Скриппс прислушался. «Неужели это смеется тот негр?» — подумал он.

4

Каждое утро Скриппс неторопливо отправлялся на помповую фабрику. Миссис Скриппс выглядывала из окна и провожала его взглядом. Теперь у нее было не так-то много времени, чтобы читать «Гардиан». На политику Англии времени почти не оставалось. Некогда было тревожиться о правительственном кризисе во Франции. Чудные они люди, эти французы. Жанна Д'Арк. Ева де Гальен. Клемансо. Жорж Карпантье. Саша Гитри. Ивонна Прентам. Грок. Ле Фрателлини. Жильбер Сельд. Премия «Дайэла». Марианна Мор. Е. Е. Каммингс. «Огромная комната». «Ярмарка тщеславия». Фрэнк Краунишилд. К чему все это? Куда это ее вело?

Теперь у нее есть муж. Свой собственный. Только ее. Но удержит ли она его? Сможет ли сохранить для себя?

Миссис Скриппс, бывшая немолодая официантка, теперь жена Скриппса О'Нила, у которого неплохая работа на помповой фабрике. Диана Скриппс. Диана — это ее собственное имя. Мать тоже так звали. Диана смотрит в зеркало и гадает, сможет ли она удержать мужа при себе. И чем дальше, тем больше сомнений. И надо же ему было повстречаться с этой Мэнди! Хватит ли у нее духу не ходить больше в этот ресторан со Скриппсом? Нет, так нельзя. Он будет ходить туда один. Она же это знает. Зачем дурачить себя? От правды не убежишь, нечего и стараться. Он будет ходить туда один и разговаривать с Мэнди. Диана посмотрела в зеркало. Удержит ли она его? Удержит ли? Теперь эта мысль ни на минуту не покидала ее.

Каждый вечер они ходили в этот ресторан — теперь она не могла называть его закуской, к горлу подступал комок и спирало дыхание. Скриппс и Мэнди каждый вечер вели беседы. Эта девка явно хочет отбить его у нее. Его, ее Скриппса. Хочет отбить его. Отбить. Сможет ли она, Диана, удержать его?

Право, она не более чем потаскушка, эта Мэнди. Разве так поступают? Разве так делают? Бегать за чужим мужем! Становиться между мужем и женой! Разбивать семью! И все это — литературными воспоминаниями. Этими бесконечными анекдотами. Скриппс был увлечен Мэнди. Диана должна была признать это. Но и она еще способна удержать его. Теперь от этого зависит вся ее жизнь. Удержать его. Удержать. Не дать ему уйти. Заставить остаться. Она снова взглянула в зеркало.

Диана подписывается на «Форум». Диана читает «Ментор». Диана штудирует Уильяма Лайона Фелпса в «Скрибнерс». Диана идет по замерзшим улицам молчаливого северного городка в публичную библиотеку, чтобы почитать книжное обозрение в «Литерэри дайджест». Диана ждет почтальона, который должен принести свежий номер «Букмена». Диана, вся в снегу, ожидает почтальона, который должен принести «Сэтердей ревю оф литрече». Диана, простоволосая, стоит в сугробе и высматривает почтальона, который должен принести литературное приложение к «Нью-Йорк таймс». А есть ли во всем этом хоть капля толку? Удержит ли она его?

Сначала казалось, что да. Диана заучивала наизусть переделки Джона Фаррара. Скриппс просветлел. В глазах его вспыхнуло нечто похожее на прежний огонек. Потом огонек потух. Еле заметная неточность выражения, какая-нибудь оговорка в понимании ею фразы, некоторое различие во взглядах — и все это начинало звучать фальшиво. Но она не отступала. Не признавала себя побежденной. Ведь Скриппс — ее муж, и она удержит его. Она отвела глаза от окна и сняла обертку с журнала, лежавшего перед ней на столе. Это был «Харперс мэгэзин». «Харперс мэгэзин» нового формата. Основательно измененный и обновленный. Может быть, он ей поможет. Кто знает.

Приближалась весна. Весна чувствовалась в самом воздухе. (Речь идет о том дне, с которого начинается повествование на первой странице. — **Прим. автора.**) Дул теплый ветер чинук. Рабочие расходились с фабрики по домам. Птичка Скриппса пела в своей клетке. Диана выглядывала в открытое окно. Диана ждала, когда на улице появится ее Скриппс. Удержит ли она его? Удержит ли? А если не сможет, то оставит ли он ей птичку? В последнее время она чувствовала, что ей его не удержать. Теперь по ночам, когда она прикасалась к Скриппсу, он отстранялся от нее, а не придвигался, как раньше. Это был,

конечно, не слишком верный признак, но ведь из таких вот незначительных признаков и складывается жизнь. Она чувствовала, что не сможет удержать его.

Диана выглянула в окно, и последний номер «Сенчури мэгзин» выпал из ее бессильно опущенной руки. В «Сенчури» был новый редактор. Теперь там печатали больше репродукций с гравюр по дереву. А Гленн Фрэнк уехал куда-то, чтобы возглавить крупный университет. Теперь на страницах журнала было больше гравюр Ван-Дорена. Диана надеялась, что благодаря этому дела ее пойдут на улучшение. Радуюсь, она развернула «Сенчури» и читала все утро. Потом потянул ветерок, теплый ветер чинук, и она поняла, что скоро вернется Скриппс. Рабочих на улице становилось все больше и больше. Нет ли среди них и Скриппса? Она не станет надевать очки. Пусть Скриппс увидит ее в лучшем виде. Но когда она почувствовала, что он уже близко, уверенность, возложенная было ею на «Сенчури», пошатнулась. Она так надеялась, что это именно то, с помощью чего она удержит Скриппса. А теперь прежняя уверенность пропала.

Скриппс шагал по улице в гурьбе возбужденных рабочих. Весна расшевелила всех. Скриппс покачивал кошелочкой, в которой носил на работу завтрак. Вот он помахал рукой, прощаясь с товарищами, которые один за одним исчезали за дверями заведения, до недавних пор известного как салун. Скриппс не смотрел на свое окно. Вот он взошел на крыльцо. Он уже совсем близко. Совсем близко. И вот наконец появился в дверях.

— Здравствуй, Скриппс, милый,— сказала она.— Я сегодня прочитала рассказ Рут Сакоу.

— Здравствуй, Диана,— ответил Скриппс.

Он положил кошелочку на место. Диана показалась ему блеклей и старой. И он решил быть учтивым.

— О чем же он, этот рассказ, Диана? — спросил он.

— О маленькой девчужке из Айовы,— ответила она и шагнула к нему.— И о тамошних фермерах. Он почему-то напомнил мне родной Озерный край.

— Вот как? — сказал Скриппс.

Работа на помповой фабрике придала ему некоторую твердость. Речь стала более отрывистой. Теперь она больше походила на речь суровых тружеников севера. Однако взгляды его не менялись.

— Хочешь, я немного почитаю тебе вслух? — спросила Диана.— Тут есть хорошие гравюры на дереве.

— А может, лучше пойдем в закусную? — сказал Скриппс.

— Как хочешь, милый,— сказала Диана. У нее вдруг сорвался голос.— Только я... о, я бы предпочла, чтобы и ноги твоей там больше не было! — Она вытерла слезы. Скриппс этого даже не заметил.— Я возьму с собой птичку, милый,— сказала Диана.— Она целый день не была на воздухе.

Они вместе направились в закусочную. Теперь они уже не ходили по улицам, взявшись за руки. Они шли так, как ходят супруги, которых называют женатиками. Миссис Скриппс несла клетку с птицей. Птица блаженствовала на теплом ветерке. Навстречу им нетвердыми шагами брели люди, захмелевшие от весеннего воздуха. Многие из них осликали Скриппса. Теперь его хорошо знали и уважали в местечке. Некоторые, проходя мимо них, приподнимали шляпу и здоровались с миссис Скриппс. Она рассеянно отвечала. «Только бы мне удержать его,— думала она.— Только бы удержать». Они трусили дальше узкой улочкой, моря ногами мокрый снег, и у нее вдруг стало стучать в висках. Может, это был отголосок их размеренной ходьбы? Не у-дер-жать. Не у-дер-жать. Не у-дер-жать.

Когда переходили улицу, Скриппс взял ее под руку. И стоило только его руке коснуться ее локтя, как Диана поняла, что так оно и будет. Ей ни за что не удержать его. Мимо прошла группа индейцев. Над ней они смеются или просто шутят меж собой? Этого Диана не знала. Она знала только то, что размеренно и глухо отдавалось в висках: «Не у-дер-жать. Не у-дер-жать».

ОТ АВТОРА

(К читателю, не к печатнику. Разве от печатника что укроется? Да и кто такой, собственно, печатник? Гутенберг. Библия Гутенберга. Кэжстон. Двенадцатый светлый казлон. Линотип. Когда автор был мальчиком, его заставляли искать в формах блох. Когда автор подрос, его стали посылать за ключами к печатным формам. О, они незаурядные остряки, эти самые печатники!)

На тот случай, если читатель сбился с толку, напомним, что мы снова подошли к тому моменту, с которого началось повествование: Йоги Джонсон и Скриппс О'Нил стоят у окна помповой фабрики, а на дворе веет теплый ветер чинук. Как видите, Скриппс О'Нил на сегодня уже отработал свое и теперь держит путь к закусочной вместе с супругой, которая боится, что не сможет удержать его. Мы лично тоже не верим, что она его удержит, но пусть читатель увидит все своими глазами. А мы тем временем оставим наших супругов на дороге в за-

кусочную и вернемся к Йоги Джонсону. Мы хотим, чтобы Йоги Джонсон завоевал расположение читателя. Теперь наш рассказ пойдет быстрее, потому что, вероятно, кое-кого из читателей он уже начал утомлять. К тому же мы стараемся оживить его любопытными историями. Мы не выдадим большого секрета, если сообщим, что наилучшие из этих историй мы услышали от мистера Форда Мэдокса Форда. Посему приносим ему благодарность и надеемся, что то же самое сделает и читатель. Во всяком случае, сейчас мы возвращаемся к Йоги Джонсону. Как читатель, вероятно, помнит, Йоги Джонсон — это тот человек, который был на войне. В начале нашего рассказа (см. стр. 7) он как раз выходит из помповой фабрики.

Писать таким образом — начиная не с начала — очень хлопотное дело. Автор надеется, что читатель его поймет и простит за это краткое пояснительное слово. О себе я знаю, что с превеликой охотой прочту все, что когда-нибудь напишет читатель; льщу себя надеждой, что и читатель оплатит мне той же монетой. И если кто-либо из читателей соизволит прислать мне что-либо свое на предмет критического замечания или совета, меня каждый день после обеда можно найти в кафе «Купол», где я болтаю об искусстве с Гарольдом Стирнсом и Синклером Льюисом, и читатель может либо самолично занести свой материал, либо переслать через мой банк, если у меня когда-либо будет счет в банке. А теперь, с позволения читателя — но пусть он не подумает, будто я собираюсь его подгонять, — мы вернемся к Йоги Джонсону. Только прошу иметь в виду, что тем временем, как мы возвращаемся к Йоги Джонсону, Скриппс О'Нил и его супруга подходят к закуской. Что там с ними произойдет, я еще не знаю. Был бы очень рад, если бы читатель смог мне помочь.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЛЮДИ НА ВОЙНЕ И СМЕРТЬ ОБЩЕСТВА

Можно также заметить, что притворство нисколько не избавляет человека от присущих ему качеств: привда, когда оно порождается лицемерием, его можно приравнять к обману. Однако когда оно идет от тщеславия, то скорее приближается к бахвальству; так, например, показная щедрость тщеславного человека заметно отличается от аналогичной черты скряги; ибо пусть тщеславный человек на самом деле не тот, за кого себя выдает, пусть он и не обладает добродетелью в той мере, какую ему хотелось бы явить миру, его личина выглядит на нем не так несуразно, как на скряге, который предстает прямой противоположностью тому, чем он хочет казаться.

Генри Филдинг.

1

Йоги Джонсон миновал фабричную проходную и зашагал по улице. В воздухе чувствовалась весна. Снег таял, и в сточных канавах бурлила вода. Йоги шел по середине улицы, там, где заледеневший снег еще держал дорогу. Потом свернул налево и перешел мост через Медвежью. Лед на реке уже тронулся, и он загляделся на бурный поток. Внизу, по-над водой, на кустах ивняка уже начинали зеленеть почки.

Настоящий чинук, подумал Йоги. Мастер хорошо сделал, что отпустил рабочих. Задерживать кого-либо в такой день было бы безрассудством: всякое может случиться. Хозяин фабрики знает что к чему. Когда повеет чинук, лучше отпустить людей. Если кто и покалечится, так не по его вине. Он не будет подлежать закону об ответственности нанимателя. Они ведь

разбираются в таких делах, эти великие помповые дельцы. Что-то, а это они знают.

Йоги был встревожен. У него из головы не шло одно. На- стала весна — теперь уже очевидно, — а ему не хотелось жен- щины. В последнее время это беспокоило его все больше и боль- ше. Он уже почти не сомневался. Не хотелось. Накануне вече- ром он зашел в городскую библиотеку. Взглянул на библиоте- каршу — и никакого желания. Смотрел, будто на пустое место. В ресторанчике, где у него был постоянный абонемент, он глаз не сводил с официантки, которая подавала ему заказ. И опять то же самое. На улице ему встретилась стайка девушек, воз- вращавшихся из средней школы. Он окинул взглядом всех по очереди. И хоть бы одна из них пробудила в нем желание. Определенно с ним что-то не так. Неужели он уже ни к чему не пригоден? Неужели всему конец?

«Что ж, — подумал Йоги. — С женщинами, может, и все, хотя как-то не очень верится; но зато у меня осталась любовь к лошадям». Он шел крутым склоном. Он взбирался на крутой склон, который от Медвежьей тянулся к дороге на Шарлевуа. Собственно говоря, подъем был не такой уж и крутой, но смо- ренному весенним воздухом Йоги он показался чуть ли не уте- сом. Впереди при дороге вынырнула фуражная лавка. Возле лавки была привязана упряжка отличных лошадей. Йоги подо- шел к ним. Ему хотелось погладить их. Удостовериться, что не все еще потеряно. Когда он подошел ближе, лошадь, стоявшая с его стороны, скосила на него глаз. Йоги полез в карман за кусочком сахара. Но сахара не оказалось. Лошадь прядала уша- ми и щерила зубы. Другая резко отдернула голову. Как! Это и все, что он получил за свою любовь к лошадям? Да нет, они, наверное, какие-то ненормальные. Может, у них сап или шпат? А может, сбиты копыта? Или, может, у них пора точки?

Йоги поднялся на пригорок и повернул налево, по дороге к Шарлевуа. Минув последние домишки на окраине Петоски, он вышел на открытый проселок. Направо лежало поле — до самого залива Литл-Траверс. Голубая полоса его сливалась с широченным простором озера Мичиган. По другую сторону залива высились поросшие соснами холмы за Харбор-Спрингс. А дальше — недостижимая глазу Кросс-вилледж, обиталище индейцев. Еще дальше — Макинакский пролив и Сент-Игнас, где с Оскаром Гарднером, работавшим рядом с Йоги на помпо- вой фабрике, случилось некогда удивительное и захватывающее приключение. А еще дальше Су, которое принадлежало и Ка- наде и Америке. Самые горькие петосские пьяницы иногда ез- дили туда накачиваться пивом. Для них это были счастливей- шие дни. А там, далеко, по другую сторону на краю озера, ле-

жал Чикаго, туда и направлялся Скриппс О'Нил в тот богатый событиями вечер, когда от первого его брака остались лишь воспоминания. А поблизости, в штате Индиана, — Гэри с его громадными сталелитейными заводами. А от него недалеко и Хаммонд. И Мичиган-сити. А несколько дальше, тоже в штате Индиана, — Индианаполис, где жил Бут Таркингтон. Не повезло ему, бедняге. А еще дальше на юг — Цинциннати, штат Огайон. Потом Виксбург, штат Миссисипи. Потом Вако — штат Техас. Ну и велика же она, наша Америка!

Йоги сошел с дороги и сел на кучу бревен, откуда были видны и озеро и заозерные дали. Во всяком случае, война закончилась, и он жив.

Там есть один парень, в этой книжке Андерсона, что он взял накануне в библиотеке. И почему он все же ничего не почувствовал к библиотечарше? Не потому ли, что думал о ее зубах — они у нее вроде бы искусственные? Или, может, из-за чего-то другого? Кто знает? Да и что ему в конце концов эта библиотечарша?

А тот парень, в книжке Андерсона, он тоже служил в армии. И, как пишет Андерсон, два года был на войне. Как же его зовут? Какой-то Фред. У этого Фреда в голове все перепуталось от ужаса. Однажды ночью во время боя он отправился на парад — стоп, не на парад, а в дозор на ничью землю, — увидел там какого-то человека, который брел, спотыкаясь в темноте, и выстрелил в него. Тот упал замертво. Это был единственный раз, когда Фред сознательно убил человека. На войне не часто приходится убивать, говорилось в той книжке. Черта с два, не часто! Особенно, когда ты пробыл на фронте два года, да еще в пехоте. Выходит, люди сами гибнут? А что, и гибнут, думал Йоги. Андерсон писал, будто Фред не соображал, что делает. Мол, он и его товарищи могли бы заставить того человека сдаться в плен. А они сами словно обезумели. И после этого побежали с фронта. Интересно, черт возьми, куда же это они побежали? Уж не в Париж ли?

А потом Фреду не давали покоя мысли об убитом. Скажите — какое благородство и праведности! Так, дескать, и переживали все это солдаты, твердил Андерсон. Черта с два! Попробовал бы этот Фред на самом деле тянуть лямку два года на фронте, в пехотном полку.

По дороге шлепали два индейца, что-то бормоча то друг другу, то каждый себе под нос. Йоги окликнул их. Индейцы подошли.

— Белый вождь даст пожевать табачку? — спросил один.
— У белого вождя есть выпивка? — поинтересовался другой.

Йоги достал им пачку «Отборного» и карманную фляжку.
— У белого вождя куча всякого снадобья,— пробормотали индейцы.

— Послушайте,— сказал Йоги Джонсон.— Я хочу поделиться с вами кое-какими мыслями о войне. Эта материя меня очень волнует.

Индейцы сели на бревна. Один из них показал на небо.

— Там, наверху, всемогущий, всевидящий Маниту,— произнес он.

Второй индеец подмигнул Йоги.

— Так и поверил белый вождь всяким глупостям! — буркнул он.

— Ну, слушайте,— сказал Йоги Джонсон и начал рассказывать.

Для Йоги война была совсем не такой, рассказывал он индейцам. Для него война была как игра в футбол. В американский футбол. Тот, что так любят в колледжах. Вот хотя бы и в индейской школе в Карляйле. Оба индейца кивнули головами. В свое время они учились в Карляйле.

Когда-то Йоги играл центром нападения, и война была для него во многом похожа на эту игру — довольно мерзкая штука. Когда получаешь мяч, надо лечь ничком, раскинув ноги, и, держа его перед собой на земле, ждать сигнала, вспомнить, что он означает, и сделать соответствующую передачу. Только об этом и приходится все время думать. А пока твои руки держат мяч, центр нападения противника стоит напротив тебя. И, когда ты хочешь сделать передачу, он бьет тебя по лицу, а другой рукой хватается за подбородок или под мышку и норовит оттащить тебя вперед или оттолкнуть назад, чтобы освободить себе проход и перебить твою игру. И ты должен броситься вперед с такой силой, чтобы вывести его из игры и вместе с ним повалиться на землю. Все преимущества на его стороне. Тут, как говорят, не до шуток. Пока мяч у тебя в руках, все преимущества на его стороне. Единственное утешение в том, что, когда мяч получит он, ты можешь так же грубо нападать на него. Значит, шансы выравниваются, и порой к этому даже привыкаешь. Футбол, как и война,— омерзительное дело, но если немного пооботрешься, он захватывает тебя, и тогда трудней всего, кажется, удерживать в памяти эти сигналы. Йоги имел в виду войну, а не просто службу в армии. Он имел в виду бой. Служба — совсем другое дело. Там ты можешь крепко держаться в седле, лишь бы только не дать лошади стать на дыбы и сбросить тебя на землю. Служба в армии — чепуха, а вот война — это да.

Йоги не преследовали призраки людей, которых он убил на войне. Он знал, что отправил на тот свет пятерых. А может, и больше. Он не верил в то, что убитые тобой люди не дают тебе покоя. После двух-то лет на фронте? Какое там! Большинство из тех, кого он знал, даже себя не помнили от радости, когда убивали впервые. Только и забот было, чтобы не давать им слишком-то распускать руки. А попробуй-ка отослать пленного в тыл, где его ждут, чтобы установить личность. По-сылаешь солдата с двумя пленными, или, скажем, двух солдат с четырьмя пленными. И что же? Солдаты возвращаются и докладывают, что пленного убило заградительным огнем. На самом же деле они сами пыряют пленного штыком пониже спины, а когда тот шарахается в сторону, кричат: «Ага бежишь, сукин сын!» — и всаживают ему пулю в затылок. Им нужно знать наверняка, что они убили человека. К тому же не хочется возвращаться под этим проклятым заградительным огнем. Нет, сэр, дудки! А привычек таких они набрались от австралийцев. Впрочем, что им эти германцы! Какая-то чертова немчура. Теперь даже само слово «немчура» звучит потешно. Вот и все благородство и праведность. Где уж там после двух лет на фронте! Правда, со временем они становились мягче. Каялись, что были слишком жестоки, и начинали запасаться добрыми делами, чтобы самим уберечься от смерти. Но это была уже четвертая ступень солдатской службы — миротворческая.

С хорошим солдатом на фронте водится так: сначала ты храбрый, потому как считаешь, что пуля тебя обойдет, что ты не такой, как все, и не можешь умереть. Но потом начинаешь понимать, что это не так. Тогда тебя охватывает настоящий страх, но, если ты хороший солдат, ты выполняешь свои обязанности так же добросовестно, как и прежде. Потом, когда тебя ранит, но не убьет, и новое пополнение проходит уже известную тебе стадию, ты закаляешься и становишься настоящим, железным солдатом. А со временем ты снова выходишь из строя, теперь уже на дольше, чем в первый раз, и тогда ты начинаешь творить добрые дела, подражая юному сэру Филипу Сидни и накапливая нетленные сокровища, которые зачтутся тебе на небе. Тем временем ты, конечно, по-прежнему выполняешь свои обязанности. Точь-в-точь как в футболе.

А вот писать о войне, если ты не знаешь о ней даже понаслышке, нечего! Ведь литература имеет немалое влияние на людей. Когда американская писательница Вилла Кэсер опубликовала книжку о войне, где вся последняя часть взята из «Рождения нации», ей привалила куча писем со всех концов Америки: бывшие солдаты сообщали ей, что они обо всем этом думают.

Один индеец заснул. Он как жевал табак, так и остался — с губами, сложенными трубочкой. Голова его лежала на плече товарища. Тот показал на спящего и покачал головой.

— Ну, как вам моя речь? — спросил Йоги бодрствующего индейца.

— У белого вождя ума палата, — ответил индеец. — Он, видно, страх как образован.

— Благодарю, — сказал Йоги. Он был тронут. Только здесь, среди простых туземцев, среди этих коренных американцев, он встретил полнейшее понимание.

Индеец смотрел на него, заботливо придерживая рукой спящего товарища, чтобы тот не опрокинулся на занесенные снегом бревна.

— Белый вождь был на войне? — спросил индеец.

— Я высадился во Франции в мае тысяча девятьсот семнадцатого, — начал было Йоги.

— Вот я и подумал, что белый вождь, вероятно, и сам воевал, раз он так хорошо все знает, — сказал индеец. — Вот этот... — Он приподнял голову спящего товарища, так что последние лучи заходящего солнца отразились на его лице. — Он получил крест Виктории. А я — орден «За отличную службу» и Военный крест с отличием. Я был майором в Четвертом канадском карабинерском.

— Рад познакомиться с вами поближе, — произнес Йоги. Он вдруг почувствовал себя уязвленным.

Смеркалось. Над озером Мичиган, там, где небо соприкасалось с водой, рдела сплошная багряная полоска заката. Йоги смотрел, как эта полоска все больше темнела и суживалась, пока не стала тоненькой черточкой и наконец совсем погасла. Солнце скрылось за озером. Йоги поднялся с бревен. За ним поднялся и индеец. Он разбудил своего товарища. Тот тоже встал и посмотрел на Йоги Джонсона.

— Мы в Петоски, вступать в Армию спасения, — сказал тот, что был повыше, тот, который не спал.

— Белый вождь пусть тоже идет, — предложил другой, поменьше, тот, который только что проснулся.

— Я пойду с вами, — сказал Йоги.

Кто были эти индейцы? И что они для него значили?

После захода солнца оттаявшая за день дорога начала твердеть. Снова подмораживало. Впрочем, может, это еще и не весна. Может, и то, что ему не хочется женщины, — не так уж страшно? Теперь, когда он видел, что весна еще не настала, все казалось не столь уж определенным. Вот он пойдет с эти-

ми индейцами в город, отыщет там какую-нибудь красивую женщину и постарается возжелать ее. Он вышел на обледеневшую дорогу. Оба индейца шлепали сбоку. Все трое двигались в одном направлении.

2

Было уже совсем темно, когда наша троица, топая по скользкой дороге, вошла в Петоски. За все это время никто не обмолвился ни словом. Слышен был только скрип льда под башмаками. Время от времени Йоги ступал на тонкую ледяную корочку и проваливался в воду. Индейцы проворно обходили лужи.

Они спустились с пригорка, миновали фуражную лавку и ступили на мост через Медвежью, гулко стуча по мерзлому настилу, а затем потащились вверх по склону, который тянулся мимо дома доктора Рамси и чайной «Уют» к бильярдной. Перед бильярдной оба индейца остановились.

— Белый вождь гоняет шары? — спросил высокий.

— Нет, — ответил Йоги Джонсон. — На войне мне покалечило правую руку.

— Не повезло белому вождю, — сказал низенький. — А может, все-таки сыграем партию?

— Ему под Ипром оторвало обе руки и обе ноги, — шепотом сказал высокий, повернувшись к Йоги. — Он очень чувствительный.

— Ну ладно, так и быть, — согласился Йоги. — Одну можно.

Они вошли в теплую, прокуренную бильярдную. Заняли свободный стол и взяли с полки у стены кии. Когда низенький индеец потянулся за кием, Йоги заметил, что обе руки у него искусственные: сделаны из коричневой кожи и пристегнуты пряжками у локтей. Они начали играть на гладком зеленом сукне, ярко освещенном электрическими лампочками. Через полтора часа Йоги обнаружил, что должен низенькому индейцу 4 доллара 30 центов.

— Вы здорово играете, — заметил он своему партнеру.

— Не та уже у меня рука, что перед войной, — отозвался тот.

— Белый вождь хочет немного выпить? — спросил высокий индеец.

— А где вы достаете? — поинтересовался Йоги. — Мне приходится ходить аж в Шебойган.

— Пусть белый вождь идет с красными братьями, — ответил высокий индеец.

Они оставили бильярдный стол, положили кии на место и, расплатившись у стойки, вышли в ночь.

Темными улицами укрადной разбредались по домам мужчины. К ночи ударил мороз и сковал все вокруг. Значит, чинук все же был не настоящий. Весна еще не наступила, и те, что пустились было в разгул, протрезвели от холодного воздуха и поняли, что чинук был чистейшим обманом. «Ну и попадет же завтра мастеру!» — подумал Йоги. А может, все это подстроили хозяева фабрики, чтобы выгнать мастера с работы? Иногда и такое бывает. Крадучись в ночной тьме, мужчины кучками расходились по домам.

Два индейца шагали по обе стороны от Йоги. Они свернули в боковую улочку и остановились перед строением, похожим на конюшню. Собственно, это и была конюшня. Индейцы открыли дверь, и Йоги зашел следом. У стены оказалась лестница, которая вела наверх. В конюшне было темно, но один из индейцев чиркнул спичкой и показал Йоги дорогу. Низенький индеец ступил на ступеньку первым, металлические шарниры его протезных рук тоненько поскрипывали. Йоги двинулся за ним, а второй индеец лез позади, присвечивая Йоги спичками. Добравшись до самого верха, низенький индеец постучал в потолок. В ответ послышался такой же стук. Низенький индеец отозвался тройным прерывистым стуком. Наверху поднялась крышка, и они попали в освещенное помещение.

В одном углу находился бар с медными поручнями и высокими плевательницами. За стойкой висело зеркало. По всей комнате были расставлены легкие кресла, а в центре стоял бильярдный стол. На жердочках у стены были развешаны иллюстрированные журналы. На другой стене, в рамке, украшенной американским флагом, виднелся портрет Генри Водсворта Лонгфелло с автографом. Несколько индейцев сидели в креслах и читали. Небольшая группа собралась у бара.

— Неплохой клубик, правда?— К Йоги подошел один из индейцев и пожал ему руку.— Я почти ежедневно вижу вас на помповой фабрике.

Это был рабочий, который трудился за одним из соседних с Йоги станков. Подошел еще один индеец и тоже пожал Йоги руку. Он тоже был с помповой фабрики.

— Ну и обделались мы с этим чинуком,— сказал он.

— Да уж куда больше,— отозвался Йоги.— Ложная тревога.

— Пошли выпьем,— сказал первый индеец.

— Я не один, — ответил Йоги. А кто они, собственно, эти индейцы?

— Так берите и своих товарищей,— сказал первый индеец.— Места всем хватит.

Йоги огляделся. Двое индейцев, что привели его сюда, исчезли. Куда же они подевались? Наконец он увидел их. Они стояли у бильярдного стола. Индеец, с которым только что разговаривал Йоги, высокий и с хорошими манерами, перехватил его взгляд и понимающе кивнул.

— Это лесовики,— извиняясь, пояснил он.— А мы тут большей частью городские.

— Да, конечно,— согласился Йоги.

— Тот низенький здорово отличился на войне,— заметил высокий индеец с хорошими манерами.— Да и второй тоже, кажется, был майором.

Индеец подвел Йоги к бару. За стойкой стоял бармен. Негр.

— По стаканчику «Собачей головы»? — спросил индеец.

— Ага,— ответил Йоги.

— Два эля, Брюс,— бросил индеец бармену.

Бармен хихикнул.

— Чего ты смеешься, Брюс? — спросил индеец.

Негр отозвался резким неудержимым смехом.

— Я так и знал, масса Красный Пес,— утихомирился он наконец,— что вы опять закажете «Собачью голову».

— Он у нас весельчак,— сказал индеец Йоги.— Я забыл представить. Меня зовут Красный Пес.

— Моя фамилия Джонсон,— сказал Йоги.— Йоги Джонсон.

— О, ваше имя мне знакомо, мистер Джонсон,— улыбнулся Красный Пес.— Позвольте познакомить вас с моими друзьями — мистером Сидячим Быком, мистером Отравленным Бизоном и вождем Быстроногом Скусом-Задом-Наперед.

— Имя Сидячий Бык я слышал,— ответил Йоги, пожимая руки новым знакомым.

— Нет, я не из тех Сидячих Быков,— сказал мистер Сидячий Бык.

— Прадед вождя Быстроногого Скус-Задом-Наперед в свое время продал весь остров Манхэттен за несколько ниток бус из ракушек,— сообщил Красный Пес.

— Как интересно,— сказал Йоги.

— Дорого же они обошлись нашей семье,— скорбно улыбнулся Быстроногий Скус-Задом-Наперед.

— У вождя Быстроногого Скус-Задом-Наперед до сих пор немного осталось. Взглянете? — спросил Красный Пес.

— Еще бы!

— Они, собственно, ничем не отличаются от любых других,— с вызовом заметил Быстроногий Скус-Задом-Наперед и, вытащив из кармана нитку ракушек, подал ее Йоги.

Йоги с интересом разглядывал бусы. Подумать только, какую роль сыграли эти нанизанные на нитку ракушки в истории нашей Америки!

— Хотите взять парочку на память? — спросил Быстроногий Скунс-Задом-Наперед.

— Что вы, как можно? — заколебался Йоги.

— Ерунда, они же сами по себе ничего не стоят, — пояснил мистер Скунс, снимая с бус две ракушки.

— Для семейства Быстроногих Скунсов они дороги лишь как память, — добавил Красный Пес.

— Чертовски мило с вашей стороны, мистер Скунс-Задом-Наперед, — сказал Йоги.

— Пустое, — отвечал Быстроногий Скунс. — И вы бы сделали для меня то же самое.

— Очень мило с вашей стороны.

Бармен Брюс подался вперед и наблюдал из-за стойки за тем, как бусы переходят из рук в руки. Его черное лицо так и сияло. Вдруг ни с того ни с сего он залился неудержимым и пронзительным смехом. Черным негритянским смехом.

Красный Пес взглянул на него.

— Послушай, Брюс, — резко сказал он. — Твое веселье немного не ко времени.

Брюс перестал хихикать и отер лицо полотенцем. Потом, как бы извиняясь, закатил глаза к потолку.

— Ой, не могу, масса Красный Пес. Как увижу, что мистер Быстроногий Скунс-Задом-Наперед показывает эти ракушки, смех так и разбирает. Продать этакое городище Нью-Йорк за какие-то ракушки. За ракушки! Смотреть на них не могу!

— Брюс у нас чудила, — пояснил Красный Пес. — Однако бармен превосходный, да и сердце у него доброе.

— Тут вы правы, масса Красный Пес, — отозвался бармен. — Сердце у меня — ну прямо золото.

— И все-таки он чудак, — извинился Красный Пес. — Совет нашего клуба все время настаивает, чтобы я подыскал другого бармена, но я очень расположен к этому человеку, как это ни странно.

— Я человек надежный, босс, — сказал Брюс. — Вот только как увижу что чудное, не могу не засмеяться. Да вы же знаете, босс, что у меня на уме никогда ничего дурного.

— Конечно, Брюс, — сказал Красный Пес. — Ты человек честный.

Йоги Джонсон оглядел комнату. Индейцы, что стояли группой у бара, уже отошли от него, и Быстроногий Скунс-Задом-Наперед показывал свою реликвию нескольким облаченным в смокинги индейцам, которые только что появились в клубе.

Два лесных индейца все еще играли в бильярд. Они снимали верхнюю одежду, и металлические шарниры на протезных руках низенького индейца поблескивали в свете ламп, висевших над бильярдным столом. Он как раз примерялся стукнуть одиннадцатый шар кряду.

— Из этого малого вышел бы исключительный игрок, кабы не война, — заметил Красный Пес. — Хотите осмотреть наш клуб?

Он взял у Брюса чек, подписал его, и Йоги пошел за ним в соседнюю комнату.

— Тут заседает наш совет, — сказал Красный Пес.

На стенах висели обрамленные фотографии с автографами вожды Бендера, Фрэнсиса Паркмана, Д. Г. Лоуренса, вожды Мейерса, Стюарта Эдварда Уайта, Мэри Остин, Джима Торпа, генерала Кастера, Гленна Уорнера, Мейбл Додж, и большой, в полный рост, портрет Генри Водсворта Лонгфелло, писанный масляными красками.

За комнатой совета была раздевалка с ванной, или, скорее, купальным бассейном.

— Все это, конечно, смехотворно мало, если говорить о клубе, — сказал Красный Пес. — Но в общем, уголок уютный, сюда можно заглянуть вечером, когда станет скучно. — Он улыбнулся. — Знаете, мы называем его вигвам. Это моя выдумка.

— Чертовски милый клуб, — с энтузиазмом сказал Йоги.

— Записывайтесь, если хотите, — предложил Красный Пес. — Вы какого племени?

— Что вы имеете в виду?

— Ваш род. Кто вы — из сауков или фоксов? Или оджибвей? Или, может, из племени кри?

— А-а, — понял Йоги. — Мои родители приехали из Швеции.

Красный Пес внимательно посмотрел на него. Его глаза сузились.

— Вы не смеетесь надо мной?

— Нет. Они откуда-то оттуда — не то из Швеции, не то из Норвегии, — ответил Йоги.

— Мне еще показалось, будто в вас что-то есть от белого, — сказал Красный Пес. — Хорошо, что все своевременно выяснилось. А то было бы шуму! — Он схватился рукой за голову и крепко сжал губы. — А ну, ты! — Он вдруг повернулся и сгреб Йоги за грудки. Йоги почувствовал, что в живот ему уперся ствол пистолета. — Пройдешь тихонько через клуб, возьмешь пальто и шляпу и удалишься, будто ничего и не случилось. Вежливо попрощаешься с каждым, кто заговорит с тобой. И никогда больше сюда не суйся. Понял ты, швед?

— Да,— сказал Йоги.— Уберите свой пистолет. Я его не боюсь.

— Делай, как тебе говорят,— приказал Красный Пес.— Что же касается этих двух бильярдистов, что привели тебя сюда, они у меня отсюда живо вылетят.

Йоги вернулся в ярко освещенную комнату, глянул на бар, откуда на него смотрел Брюс, взял пальто и шляпу, пожелал покойной ночи Скунсу-Задом-Наперед, который поинтересовался, почему это он так рано уходит, и Брюс поднял дверь. Когда Йоги уже спускался по лестнице, негр опять залился смехом.

— Я так и знал,— не унимался он.— С самого начала знал. Старого Брюса ни один швед не проведет.

Йоги обернулся и увидел в освещенном прямоугольнике раскрытого люка ощерившееся черное лицо негра. Оказавшись внизу, Йоги огляделся. Он был один. Старая солома на полу конюшни смерзлась и скрипела под ногами. Где же он был? Ужель и вправду в индейском клубе? Что все это значит? Может, это конец?

В потолке над ним сверкнула полоска света. Но ее тут же загородили две темные тени: послышался звук пинка, удара, потом целой серии тумаков — то глухих, то громких, и по лестнице с грохотом скатились две человеческие фигуры. Сверху доносились неудержимые переливы черного негритянского смеха.

Оба лесовика встали с соломы и заковыляли к двери. Один из них, тот, что поменьше, плакал. Йоги вышел следом за ними в холодную ночь. Было холодно. Ночь стояла ясная. Светили звезды.

— Черт бы его побрал, этот клуб! — сказал высокий индеец. — И что в нем только хорошего!

Низенький плакал. При свете звезд Йоги увидел, что тот лишился одной из своих протезных рук.

— Не играть мне больше в бильярд! — всхлипывал низенький индеец. Он погрозил оставшейся рукой в направлении окна, обозначившегося во тьме тоненькой полоской света. — Проклятый клуб!

— Не горюйте, — сказал Йоги. — Я помогу вам поступить на помповую фабрику.

— Пошла она к дьяволу! — отозвался высокий индеец. — Мы все вступим в Армию спасения.

— Ну, не плачьте же,— сказал Йоги низенькому. — Я куплю вам новую руку.

Но тот был безутешен. Он сел прямо на занесенную снегом дорогу.

— Раз мне уже не играть в бильярд, плевать я хотел на все.
А сверху, из окна клуба, долетал неотвязный звук негритянского смеха.

ЧИТАТЕЛЮ ОТ АВТОРА

На тот случай, если это будет иметь какую-нибудь историческую ценность, охотно сообщаю, что предыдущую главу я написал за два часа, отстукал прямо на пишущей машинке, а потом отправился на ленч с Джоном Дос Пассосом, которого считаю очень сильным писателем и к тому же исключительно приятным человеком. (Как говорят в провинции, «хвали меня, как я тебя».) Мы съели *Rollmops*¹, *sole meunière*, *civet de lièvre* а *la cocotte*, *marmelade de pommes* и смочили все это, как мы, бывало, говорили (а, читатель?), бутылочкой «Монтраше» урожая 1919 г. — под язык, и по бутылке на брата «Оспис де Бон» урожая 1919 г. под тушеного зайца. Потом, помнится, мы с мистером Дос Пассосом располовинили бутылочку «Шамбертона» под *marmelade de pommes* (англ.: яблочное желе)². Потом выпили еще две старого марочного и, решив уже не ходить в кафе «Купол», где столько болтают об искусстве, мы отправились по домам, и я написал следующую часть. Мне бы хотелось, чтобы читатель особо отметил то, как сведены внезапно сложные жизненные пути разных персонажей этой книжки и как это подано в той достопамятной сцене закуской. Именно тогда, когда я прочитал написанное мистеру Дос Пассосу, он воскликнул: «Хемингуэй, вы сотворили шедевр!»

Р. С. ОТ АВТОРА ЧИТАТЕЛЮ

И вот тут-то, читатель, я собираюсь придать книге тот размах и движение, которые покажут, что это действительно великая книга. Я знаю, читатель: ты ведь не меньше меня надеешься, что я-таки придам рассказу этот размах и движение — подумать только, как много это будет значить для нас обоих. Мистер Г. Дж. Уэллс, который навестил нас в нашем доме (имеем успех на литературной ниве, а, читатель?), спросил нас на днях, не покажется ли читателю — то есть тебе, читатель... ты только представь себе: сам Г. Дж. Уэллс толкует о тебе прямо в нашем доме... Так вот, Г. Дж. Уэллс спросил, а не подумает ли наш читатель, что в этой повести слишком много автобиографического? Пожалуйста, читатель, выкинь из головы

¹ Маринованная селедка (нем.).

² Перевод с французского дан автором.

эту мысль. Мы жили в Петоски, штат Мичиган, это правда, и, естественно, многие образы взяты из жизни, какой мы тогда жили. Но ведь то были совсем другие люди, которые не имеют никакого отношения к автору. Автор появляется лишь в этих небольших отступлениях. Правда, прежде чем приступить к этому повествованию, мы на протяжении двенадцати лет изучали различные индейские говоры Севера; в музее в Кросс-вилледже и посейчас хранится наш перевод Нового завета на язык племени оджибвеев. Но на нашем месте, читатель, ты поступил бы точно так же, и, думаю, что поразмыслив над этим хорошенько, ты согласишься с нами на этот счет. А теперь вернемся к нашему повествованию. И когда я заявляю, читатель, что ты даже не представляешь, как трудно будет писать эту — новую — главу, я делаю это в самом что ни на есть дружеском духе. Собственно говоря — постараюсь быть в этом откровенным, — до завтра мы за нее и браться не будем.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГИБЕЛЬ ВЕЛИКОЙ НАЦИИ И ВОЗВЫШЕНИЕ И ПАДЕНИЕ АМЕРИКАНЦЕВ *

Но может статься, мне возразят, что я — вопреки собственным принципам — показал в этом произведении немало пороков, причем весьма постыдных. На это я отвечу так: во-первых, слишком трудно, прослеживая вереницу человеческих поступков, остаться к ним безучастным. Во-вторых, пороки, которые можно здесь встретить, скорее всего, лишь случайные следствия тех или иных человеческих слабостей или недостатков, нежели начала, постоянно присутствующие в человеческой душе. В-третьих, выведены они не для чистого осмеяния, а должны вызывать отвращение. В-четвертых, на сцене они никогда не подавались первым планом; и наконец, они вовсе не влекут за собой намеренного зла.

Генри Филдинг.

1

Йоги Джонсон идет по тихой улице, обняв за плечи низенького индейца. Высокий индеец шагает рядом. Холодная ночь. Закрытые ставнями окна домов. Низенький индеец, который потерял свою протезную руку. Большой индеец, который тоже был на войне. Йоги Джонсон, который также был на войне.

* «Возвышение американцев» — роман Г. Стайн (написан в 1906—1908 гг.), впервые опубликованный в 1924 году в «трансатлантик ревью» под редакцией и при непосредственном участии Э. Хемингуэя.

Все трое идут, идут, идут. Куда они идут? Куда они могут идти? Что им осталось?

Вдруг под уличным фонарем, который висит на голом проваде на углу и отбрасывает свет на снег, большой индеец останавливается.

— Так мы никуда не придем, — проворчал он. — Какой толк от этой ходьбы? Пусть белый вождь скажет слово. Куда мы идем, белый вождь?

Йоги Джонсон не знает. Очевидно, ходьбой их проблем не решишь. Хорошо идти, когда есть куда. Армия Кокси. Орда людей, ищущих работы, давит на Вашингтон. «Марширующие люди»¹, — подумал Йоги. Маршируют и маршируют, а куда попадают? Никуда. Это Йоги знал слишком хорошо. Никуда. Совершенно никуда.

— Пусть белый вождь говорит, — сказал большой индеец.

— Я не знаю, — сказал Йоги. — Ничего я не знаю.

Разве ради этого сражались на войне? Неужели именно так все и должно было кончиться? Похоже, что так. Йоги стоит под уличным фонарем. Йоги думает и диву дается. Рядом с ним два индейца в своих куртках макино. У одного индейца свисает пустой рукав. Все думают.

— Белый вождь ничего не скажет? — спросил высокий индеец.

— Нет. — А что он мог сказать? Что вообще можно было сказать?

— Можно красному брату? — спросил индеец.

— Говорите, — сказал Йоги. Он посмотрел на снег. — Каждый из нас такой же человек, как и другие.

— Белый вождь когда-нибудь бывает в закусочной Брауна? — спросил высокий индеец, вглядываясь в лицо Йоги при свете дуговой лампы.

— Нет. — У Йоги даже дух перехватило.

Неужели это конец? Закусочная. Что ж, закусочная не хуже любого другого места. И все-таки — закусочная. Ну и что? Эти индейцы знают город. Они бывшие солдаты. У обоих замечательный послужной список. Он и сам это знал. Но закусочная...

— Пусть белый вождь идет с красными братьями. — Высокий индеец взял Йоги под руку. Низенький зашагал с ними в ногу.

— Вперед, к закусочной, — спокойно сказал Йоги.

Он хоть и белый, но знает, когда остановиться. В конце концов, может, белой расе и не вечно главновствовать. Взять это восстание мусульман. Беспорядки на Востоке. Брожение на За-

¹Название романа Ш. Андерсона, написанного в 1917 г.

паде. На Юге — тоже — худо. Да и на Севере теперь не лучше. Куда все это ведет? К чему все это клонится? Поможет ли это ему возжелать женщину? Придет ли когда-нибудь весна? Стоит ли в конце концов пытаться? Кто знает.

Все трое вышагивают по морозным улицам Петоски. Теперь уже хоть к какой-то цели. En route¹. Так писал Гюисманс. Интересно бы почитать что-нибудь на французском. Надо как-нибудь попробовать. В Париже есть улица Гюисманса. Сразу же за углом от дома, где живет Гертруда Стайн. Вот это женщина! К чему ее приведут ее эксперименты со словами? Есть ли в них какой-нибудь смысл? Но все это в Париже. Ах, Париж! Как он теперь далек, Париж. Париж утром. Париж вечером. Париж ночью. И опять Париж утром. Может, и Париж в полдень. А почему бы и нет? Йоги Джонсон, широко ступая, шагает вперед. На душе у него беспокойно.

Все трое маршируют вместе. Руки тех, у кого они есть, сплетены. Красная и белая раса в едином строю. Что-то свело их воедино? Война? Судьба? Несчастный случай? Или чистая случайность? Все эти вопросы теснились в сознании Йоги Джонсона. Рассудок его устал. Слишком много он рассуждает в последнее время. Они все шагают и шагают. И вдруг останавливаются.

Низенький индеец поднимает глаза. Среди ночи над замерзшими окнами закусочной светится вывеска:

«КУС НА ЛЮБОЙ ВКУС»

— Посмотрим-ка, что это за вкус, — буркнул маленький индеец.

— В закусочной белого человека страсть какие вкусные бифштексы, — проговорил высокий. — Поверьте красному брату.

Индейцы неуверенно переминаются с ноги на ногу перед дверью. Высокий оборачивается к Йоги.

— У белого вождя есть доллары?

— Да, деньги у меня есть, — отвечает Йоги. Он уже готов к следующему испытанию. Не время идти на попятную. — Я угощаю, ребята.

— Белый вождь — благородный человек, — пробормотал высокий индеец.

— Белый вождь — настоящий клад, — добавил маленький.

— Вы бы сделали для меня то же самое, — возразил Йоги.

В конце концов, может, это и правда. И вот он идет на риск. Однажды он рискнул в Париже. И Стив Броуди ходил

¹ На пути, в дороге (франц.).

на риск. Во всяком случае, так говорили. Каждый день во всем мире люди чем-нибудь рискуют. В Китае — китайцы. В Африке — африканцы. В Египте — египтяне. В Польше — поляки. В России — русские. В Ирландии — ирландцы. В Армении...

— Армяне не рискуют, — тихо пробормотал высокий индеец. Он выразил словами невысказанное сомнение Йоги. Они тоже себе на уме, эти краснокожие.

— Даже в игре?

— Красный брат считает, что да, — ответил он. Его уверенный тон переубедил Йоги. Кто же они такие, эти индейцы? Что-то за всем этим да кроется. Они вошли в закусочную.

ОТ АВТОРА К ЧИТАТЕЛЮ

Как раз на этом месте, читатель, в наш дом во второй половине дня пожаловал мистер Ф. Скотт Фицджеральд и, пробыв довольно долго, вдруг уселся в камин и ни за что не хотел (или, может быть, не мог, а, читатель?) подняться и дать огню жечь что-нибудь другое, чтобы комната нагревалась. Я знаю, читатель, что о таких вещах не всегда пишут в книжках, но они тем не менее происходят и подумать только, какое значение они имеют для нас с тобой на литературной ниве. Если же ты вдруг решишь, что эта часть повести не так хороша, как могла бы быть, то вспомни, читатель: подобное случается каждый божий день во всем мире. Стоит ли добавлять, читатель, что я питаю к мисгеру Фицджеральду глубочайшее почтение, и пусть только кто попробует его задеть, я первый стану на его защиту. В том числе и против тебя, читатель, хоть и неприятно говорить тебе это прямо в глаза — ведь я рискую порвать дружбу, которая установилась между тобой и мной.

P. S. К ЧИТАТЕЛЮ

Когда я перечитал эту главу, читатель, она показалась мне не такой уж и плохой. Может, и ты с этим согласишься. Надеюсь, что да. И если, читатель, она тебе нравится, а также и остальная часть книжки, то почему бы тебе не рассказать о ней своим знакомым и не убедить их купить ее, как это сделал ты? Я получаю всего 20 центов с каждого проданного экземпляра, и, хоть в наши дни 20 центов — чистый мизер, все же если продать двести или триста тысяч экземпляров,

то набегит немалая денюга. А — опять же — они будут проданы, если книжка понравится каждому, как нам с тобой, читатель. Я не шутил, когда говорил, что с удовольствием прочту все, что ты ни напишешь. Это не пустые слова. Принеси мне то, что ты напишешь, и мы вместе пройдемся по тексту. Если хочешь, я перепишу для тебя отдельные места. Однако я весьма далек от мысли о каких бы то ни было критических наскоках. Если тебе что-нибудь не понравится в этой книжке, пиши прямо на дом Джонатану Кейпу. Он изменит то, что тебе не понравится. Или, если хочешь, я сам сделаю необходимые изменения. Ты же знаешь, как я к тебе отношусь, читатель. И ты же не расстроился и не сердился на меня за то, что я сказал о Скотте Фицджеральде, правда же? Надеюсь, что нет. А сейчас сажусь писать следующую главу. Мистер Фицджеральд уже ушел, а мистер Дос Пассос уехал в Англию, так что, думаю, глава получится первоклассная, это можно утверждать с уверенностью. Во всяком случае, написать лучше, чем она получится, я уже не в состоянии. Мы же оба знаем, насколько хорошей она может быть, если посмотреть издательские анонсы, не так ли, читатель?

2

В закускойной. Теперь все они в закускойной. Одни не видят других. Каждый сосредоточен на самом себе. Краснокожие мужчины думают о краснокожих мужчинах. Белые мужчины, в свою очередь, думают о белых мужчинах или о белых женщинах. Краснокожих женщин здесь нет. Может, их вообще больше нет, этих индианок? Куда они только подевались? Неужели в Америке перевелись индианки? И вдруг дверь неслышно открывается и в закускую входит индианка. Из одежды на ней только стоптанные мокасины. За спиной висит грудной ребенок. Рядом — лайка.

— Не смотрите! — крикнул коммивояжер женщинам у стойки.

— Эй! А ну вышвырните ее отсюда! — рявкнул хозяин закускойной.

Повар-негр грубо вытолкал индианку за дверь. Все услышали, как она бухнулась в снег. Ее собака залаяла.

— О боже! К чему бы все это могло привести! — Скриппс О'Нил вытер лоб салфеткой.

Индейцы наблюдали за всем этим с невозмутимыми лицами. Йогги Джонсон словно к месту прирос. Официантки позаслоняли лица салфетками или тем, что оказалось под рукой.

Миссис Скриппс прикрыла глаза американским «Меркурием». Скриппс О'Нил был так потрясен, что чуть не сомлел. Когда индианка вошла в закусочную, в душе его взметнулась какая-то волна, какое-то невыразимое первобытное чувство.

— Интересно, откуда она взялась, эта индианка? — спросил коммивояжер.

— Это моя скво, — ответил низенький индеец.

— Господи, человек! Неужели вы не можете хоть как-нибудь ее одеть? — выдавил из себя Скриппс О'Нил. В голосе его прозвучала нотка ужаса.

— Она не любит одежды, — пояснил низенький индеец. — Это лесная скво.

Йоги Джонсон не слушал. Что-то в нем словно воскресло. Что-то словно прорвалось, когда вошла эта индианка. Им завладело новое чувство. Чувство, которое он считал утраченным. Утраченным навсегда. Утраченным. Ушедшим безвозвратно. Теперь он спокоен: это была ошибка. Теперь у него все в порядке. И обнаружилось все благодаря чистой случайности. А что бы он мог подумать, если бы в закусочную не вошла эта индианка? Какие черные мысли терзали его душу! Он уже был на грани самоубийства. Самоуничтожения. Убийства самого себя. Прямо тут, в закусочной. Какая была бы фатальная ошибка! Он понял это только сейчас. Как глупо он мог загубить свою жизнь! Самоубийство. Пусть теперь идет весна. Пусть идет. Только бы скорей. Пусть настает весна. Он готов к ней.

— Послушайте, — сказал он лесовикам. — Я хочу рассказать вам об одной истории, которая приключилась со мной в Париже.

Индейцы склонились к нему.

— Белый вождь взял слово, — заметил высокий индеец.

— Я думал, какая все же удивительная история приключилась со мной в Париже, — начал Йоги. — Вы, индейцы, знаете Париж? Вот и хорошо. А оказалось, что это была самая мерзкая штука в моей жизни.

Индейцы что-то пробормотали. Они знали свой, другой Париж.

— Это произошло в первый день моего отпуска. Я шел себе по бульвару Малерб. Мимо проехала какая-то машина, и из нее высунулась красивая женщина. Она окликнула меня, я подошел. Она привезла меня в какой-то дом, вернее, особняк, где-то на окраине города, и там со мной случилось нечто удивительное. Потом кто-то вывел меня через другую дверь, не через ту, в которую я входил. На прощанье красавица

сказала мне, что никогда больше меня не увидит, что ей просто нельзя со мной встречаться. Я попытался заприметить номер особняка, но там их, таких, был целый квартал, и все похожи друг на дружку. С того дня и до самого конца отпуска я надеялся увидеть свою прекрасную даму. Однажды в театре мне показалось, будто я увидел ее. Но это была не она. В другой раз мне почудилось, что ее лицо промелькнуло в проезжавшем мимо такси. Я вскочил в другую машину и понесся следом, но ее такси куда-то исчезло. Я был в отчаянии. И вот в предпоследний вечер отпуска я так отчаялся и отупел, что прибег к услугам одного из тех гидов, что гарантируют тебе показ всего Парижа. Мы посетили с ним разные места. «И это все?» — спросил я гида. «Есть еще одно местечко, да стоит дорого», — сказал гид. Наконец мы столковались о цене, и он повел меня. Это был старый особняк. Следовало стать к стене и смотреть в щелку. Вдоль всей стены стояли люди и тоже смотрели — каждый в свою. Среди зрителей можно было увидеть людей в военной форме всех союзных армий и множество красивых южноамериканцев в вечерних костюмах. Я тоже давай смотреть. Сначала я не заметил ничего особенного. Потом в комнату вошла красивая женщина с молодым британским офицером. Она сняла шубу и шляпку и бросила их на стул. Офицер стал снимать портупею. И тут я узнал женщину. Это была та самая дама, с которой мне довелось пережить нечто удивительное. — Йогги Джонсон посмотрел на свою опустевшую тарелку со следами бобов. — С тех пор, — продолжал он, — мне больше никогда не хотелось женщины. Выразить даже не могу, как я страдал. А ведь я страдал, ребята, страдал. Я винил в этом войну. Винил Францию. Приписывал это упадку морали вообще. Винил молодое поколение. Винил всех и вся. И вот я исцелился. Вот вам пять долларов, ребята. — Его глаза блеснули. — Возьмите себе еще поест. Съездите куда-нибудь. Сегодня самый счастливый день в моей жизни.

Он встал со стула, порывисто подал руку одному индейцу, похлопал по плечу другого, распахнул дверь закусочной и шагнул в ночь.

Индейцы переглянулись.

— Белый вождь — исключительно приятный парень, — заметил большой индеец.

— Как ты думаешь, был он на войне? — спросил маленький.

— Кто его знает! — ответил высокий.

— Белый вождь сказал, что купит мне новую руку, — пробормотал низенький.

— Возможно, ты получишь даже больше,— сказал высокий.

— Как знать.

Они снова принялись за еду.

А на другом конце стойки наступал конец супружеской жизни.

Скриппс О'Нил и его жена сидели рядом. Теперь миссис Скриппс знала: ей его не удержать. Все ее старания пошли прахом. Она потерпела поражение. Она знала, что проиграет. Теперь уже его не удержать. А Мэнди опять говорит. Говорит. Говорит. Только и знает, что говорит. Именно этот нескончаемый поток литературных сплетен подводил сейчас к концу ее, Дианы, замужество. Не может она его удержать. Он уходит. Уходит. Уходит от нее. Убитая горем, Диана сидит у стойки. Скриппс слушает, как говорит Мэнди. А Мэнди говорит. Говорит. Говорит. Коммивояжер — он теперь уже их старый знакомый — сидит и читает свою детройтскую «Ньюс». Не удержать ей его. Не удержать. Не удержать.

Маленький индеец встал со стула и подошел к окну. Все стекло было покрыто толстым слоем узорчатого инея. Индеец подышал на замерзшее стекло, потер глазок пустым рукавом своей макино и глянул в темноту. И вдруг отскочил от окна и опрометью выскочил в ночь. Высокий индеец проводил его глазами, неторопливо доел свой ужин, взял зубочистку, сунул ее меж зубов и исчез в ночи вслед за своим товарищем.

3

Теперь они остались втроем. Скриппс, Мэнди и Диана. Кроме них, в закускойной сидел только коммивояжер. Он уже теперь их старый знакомый. Но в этот вечер его нервы были на пределе. Он сложил газету и направился к двери.

— Пока,— бросил он.

И вышел в ночь. Казалось, это единственное, что он мог сделать. И он так и сделал.

Теперь в закускойной остались только трое. Скриппс, Мэнди и Диана. Только эти трое. Мэнди говорила. Облокотилась о стойку и говорила. Скриппс не сводил глаза с Мэнди. Диана уже и не притворялась, что слушает. Она знала, что всему конец. Все кончено. Но она сделает еще одну попытку. Еще одну смелую попытку. Может, она все же удержит его. Может, все это просто наваждение. Она постаралась, чтобы голос у нее не дрожал и позвала:

— Скриппс, милый.

Но голос чуть дрожал. Она силилась овладеть им.

— Чего тебе? — резко спросил Скриппс.

Ну вот, опять. Опять эта отрывистая речь.

— Скриппс, милый, ты еще не хочешь домой? — Голос не подчинялся Диане. — Вот новый «Меркурий». — Она сменила лондонский «Меркурий» на американский — лишь бы угодить Скриппсу. — Только сегодня принесли. Единственное мое желание — чтобы ты уже начал собираться, Скриппс. В этом «Меркурии» есть дивная вещь. Идем же, Скриппс, ну пожалуйста, я еще никогда тебя ни о чем не просила. Идем домой, Скриппс! Ах, ну идем же, Скриппс!

Скриппс поднял на нее глаза. Сердце Дианы забилося сильнее. Может, он все-таки пойдет. Может, она еще удержит его. Удержит его. Удержит.

— Ну идем же, Скриппс, милый, — кротко сказала Диана. — Тут есть прекрасная передовица Менкена о хиропрактиках.

Скриппс отвернулся.

— Ты не пойдешь, Скриппс? — умоляла Диана.

— Нет, — ответил Скриппс. — Начхать мне теперь на этого Менкена.

Диана понурилась.

— О-о, Скриппс, — простонала она. — О-о, Скриппс!

Это конец. Вот она и получила ответ. Она-таки потеряла его. Потеряла его. Потеряла. Все кончено. Кончено. Труба. Она сидела и молча плакала. А Мэнди знай говорила.

Вдруг Диана выпрямилась. У нее еще была к нему последняя просьба. Еще одно, о чем она хотела попросить его. Одно-единственное. Возможно, он и откажет ей. Возможно, и не даст. Но она попросит.

— Скриппс, — сказала она.

— Ну что там еще? — раздраженно повернулся к ней Скриппс. Вероятно, подумал он, ему все еще жаль ее. Кто знает.

— Можно я возьму птичку, Скриппс? — Голос Дианы осекся.

— Конечно, — ответил Скриппс. — Почему же нет?

Диана подхватила клетку. Птичка спала. Стоя на одной ножке, точно так же, как в ту ночь, когда они познакомились. На кого она тогда была похожа, эта птица? Ах, да. На старую скопу. На старую-престарую скопу из ее родного Озерного края. Диана крепко прижала клетку к груди.

— Спасибо, Скриппс, — сказала она. — Спасибо тебе за птичку. — Голос ее опять осекся. — А теперь я пойду.

Тихонько, молча закуталась в шаль, прижала к груди клетку со спящей птичкой и последний номер «Меркурия», а потом, оглянувшись, бросив последний взгляд на того, кто еще недавно был ее Скриппсом, открыла дверь закускойной и вышла в ночь. Скриппс даже не заметил, что она ушла. Он был всецело поглощен тем, что говорит Мэнди. А Мэнди не умолкала.

— Та птица, которую она только что унесла...— сказала Мэнди.

— О, она забрала птичку? — спросил Скриппс. — Продолжайте, продолжайте.

— Вы когда-то все гадали, какой она породы.

— Ну да, — подтвердил Скриппс.

— Так вот, она напомнила мне об одной истории, случившейся с Госсом и маркизом Бьюком, — сказала Мэнди.

— Рассказывайте же, Мэнди, рассказывайте, — сгорал от нетерпения Скриппс.

— Один из моих приятелей, кажется, Форд, — я уже как-то вам о нем говорила — во время войны жил в замке маркиза. Там был расквартирован его полк, а маркиз, один из богатейших людей Англии, если не самый богатый, служил в полку Форда рядовым. Как то вечером Форд сидел в библиотеке. Эта библиотека — совершеннейшая диковинка. Ее стены были выложены из золотых кирпичей, облицованных кафелем или чем-то в этом роде. Я уж и не помню точно.

— Я слушаю, — торопил Скриппс. — Это не имеет значения.

— Так или иначе, у стены в этой библиотеке стояло чучело фламинго под стеклянным колпаком.

— Они умеют украсить интерьер, эти англичане, — заметил Скриппс.

— Ваша жена была англичанка, правда? — спросила Мэнди.

— Из Озерного края, — ответил Скриппс. — Ну, а дальше, дальше что?

— Ну вот, как я и говорила, — продолжала Мэнди, — в тот вечер, пообедав в полку, Форд сидел в библиотеке. Как вдруг входит дворецкий и говорит: «Маркиз Бьюк шлет вам свое почтение и спрашивает, может ли он показать библиотеку приятелям, с которыми только что пообедал». Ему обычно позволяли обедать вне гарнизона, а иногда и ночевать в замке. «Разумеется», — говорит Форд, и на пороге появляется маркиз в форме рядового, а за ним сэр Эдмунд Госс и профессор... как же его, уже не помню... из Оксфорда. Госс остановился перед чучелом фламинго и спросил: «А что это у нас

здесь, Бьюк?» «Это фламинго, сэр Эдмунд»,— отвечал маркиз. «Я представлял себе фламинго совсем не таким»,— сказал Госс. «Да, Госс. Зато именно таким представлял его себе господь бог»,— заметил профессор... как там его... жаль, что я не запомнила фамилии...

— Не беспокойтесь,— сказал Скриппс.

Глаза у него блеснули. Он весь так и подался вперед. В душе его словно хлопотало что-то. Что-то такое, чего он не мог унять.

— Я люблю вас, Мэнди,— сказал он.— Я люблю вас. Вы моя женщина.

Эта штука внутри прямо всю душу ему отколотила. Не останавливается — и все тут.

— Вот и хорошо,— ответила Мэнди.— Я давно уже знаю, что вы мой мужчина. Хотите послушать еще одну историю? Раз уж мы заговорили о женщинах.

— Рассказывайте,— сказал Скриппс. — Никогда не останавливайтесь, Мэнди. Вы ведь теперь моя жена.

— Вот именно,— подтвердила Мэнди.— Эта история из тех времен, когда Кнут Гамсун был кондуктором трамвая в Чикаго.

— Рассказывайте,— сказал Скриппс.— Теперь вы моя жена, Мэнди.

Он повторял эту фразу про себя снова и снова. Моя жена. Моя жена. Вы моя жена. Она моя жена. Это моя жена. Моя жена. Но, непонятно почему, удовлетворения не испытывал. Где-то, когда-то должно быть что-то еще. Что-то другое. Моя жена. Теперь эти слова точно потеряли в весе. В воображении Скриппса, как он ни старался отогнать его, снова встало это чудовищное зрелище: голая индианка молча входит в закусную. Индианка. Она не носит одежды, потому что одежда ей не нравится. Закаленная, исполненная презрения к зимней ночи. Чего только не принесет с собой весна! А Мэнди все говорит. Мэнди здесь, в закусной, и говорит, не переставая. Рассказывает свои истории. Наступает поздний вечер. Мэнди все говорит. Теперь она его жена. А он ее муж. Да полно, ее ли он муж? Скриппс видит в воображении индианку. Индианку, которая так неожиданно появилась на пороге закусной. Ту индианку, которую вышвырнули на снег. Мэнди говорит дальше. Делится литературными воспоминаниями. Доподлинные случаи. В каждом из них — зерно истины. «Но разве этого достаточно?» — думает Скриппс. Она его жена. Но надолго ли? Кто знает. Мэнди все говорит и говорит. Скриппс слушает. Но его мысли стремятся куда-то прочь. Стремятся прочь. Куда же они стремятся? Наружу в ночь. Наружу в ночь.

Ночь в Петоски. Уже давно за полночь. В закускойной горит свет. Городок спит под сиянием северной луны. Железная дорога бежит его северной стороной далеко на север. Холодные рельсы, тянущиеся на север к Макино-сити и Сент-Игнасу. Холодно идти по путям в такой час ночи.

Северной стороной небольшого северного городка, шагая рядом по железнодорожному полотну, идут двое. Это Йоги Джонсон и индианка. На ходу Йоги Джонсон молча срывает одежду. Одну за другой сбрасывает свои одёжины и швыряет их рядом с линией. Наконец на нем остаются только стоптанные башмаки, в которых он работает на помповой фабрике. Йоги Джонсон, голый в лунном свете, шагает на север рядом с индианкой. Индианка вышагивает сбоку. За плечами у нее младенец в лубяной люльке. Йоги хочет взять у нее ребенка. Мол, он понесет. Лайка скулит и лижет Йоги Джонсону лодыжки. Нет, индианка сама будет тащить дитя. Они идут дальше. На север. В северную ночь.

Следом за ними движутся две фигуры. Они отчетливо выделяются в лунном свете. Это те двое индейцев. Те самые лесные индейцы. Они наклоняются и подбирают одежду, которую сбросил Йоги Джонсон. Время от времени они что-то бормочут друг другу. Потом неторопливо плетутся дальше. Их острые глаза не упускают из виду ни одной сброшенной одежды. Когда найдена последняя, индейцы поднимают глаза и видят далеко впереди две освещенные луной фигуры. Индейцы выпрямляются и начинают рассматривать одежды.

— Белый вождь — франт, — замечает высокий индеец, держал в руках сорочку с вышитой монограммой.

— Белый вождь здорово замерзнет, — замечает низенький.

Он подает своему высокому товарищу куртку. Тот сворачивает всю сброшенную и подобранную одежду в узел, и они поворачивают назад в местечко.

— Сбережем одежду для белого вождя или продадим в Армию спасения? — спрашивает низенький.

— Лучше продать, — говорит высокий. — Белый вождь, видать, уже не вернется.

— Вернется, как пить дать, — возражает низенький.

— Все равно лучше продадим в Армию спасения, — говорит высокий. — Когда наступит весна, белому вождю понадобится новая.

Они торопливо идут по шпалам, а в воздухе снова чувствуется потепление. Индейцами овладевает беспокойство. Меж стволов лиственниц и кедров, что растут вдоль железнодорож-

ного полотна, дует теплый ветер. Снежные наметы по обе стороны колен начинают таять. Что-то смущает души лесовиков. Какой-то позыв. Какая-то непонятная языческая тревога. Дует теплый ветер. Высокий индеец останавливается, слюнит палец и выставляет его на ветер. Низенький смотрит.

— Чинук? — спрашивает он.

— Да еще какой! — отвечает высокий.

Они торопятся в местечко. Луна теперь едва-едва прогляывает из-за туч, которые нагнал теплый ветер.

— Надо поспеть в город, пока не началась кутерьма, — говорит высокий индеец.

— Никто из красных братьев не должен опаздывать, — беспокойно отзывается низенький.

— На фабрике теперь ни души, — говорит высокий.

— Все равно надо поторапливаться.

Веет теплый ветер. Он пробуждает в индейцах странные желания. Они знают, чего им нужно. В замерзшее северное местечко пришла наконец весна. Двое индейцев торопливо шагают по железнодорожному полотну.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО АВТОРА К ЧИТАТЕЛЮ

Ну, как тебе, читатель? Я написал эту вещь за десять дней. Стоит ли она этого? Мне только хотелось бы пояснить одно место. Помнишь, где-то в начале немолодая официантка, Диана, рассказывает, как пропала в Париже ее мать и как она, проснувшись утром, увидела в соседней комнате французского генерала? Я подумал, что, может, тебе интересно будет знать подлинную причину этого случая. А произошло вот что. Ночью ее мать тяжело заболела — бубонной чумой, — и врач, которого позвали к ней, поставив диагноз, уведомил об этом власти. Был как раз день открытия большой Парижской выставки, и представь себе, читатель, какая была бы реклама, распространись вдруг слух, что в городе обнаружена бубонная чума. Вот французские власти и решили, что больная должна просто исчезнуть. К утру она умерла. Что же касается генерала, которому поручили это дело и который лег в кровать в той самой комнате, где ночевала мать Дианы, то мы всегда считали его очень храбрым человеком. Правда, мне кажется, он был одним из основных акционеров выставки. Во всяком случае, читатель, сия загадочная история мне представляется страшно любопытной, и я уверен, что и тебе тоже хотелось, чтобы я прояснил ее здесь, не обременяя повествование, где пояснения, по сути, совершенно неуместны.

Тем не менее интересно все же, как ловко полиция замаяла все это дело и как быстро прибрала к рукам парикмахера и извозчика. И говорит все это, разумеется, о том, что излишняя осторожность не повредит — с кем бы ты ни отправлялся за границу, пусть даже с родной матерью. Надеюсь, я сделал хорошо, сказав об этом именно здесь, читатель, ибо чувствовал себя просто обязанным дать тебе некоторые пояснения. Я не верю в велеречивые прощания, так же как и в долгую помолвку, поэтому просто скажу: «До свидания, читатель, помогай тебе бог», — и предоставляю тебя самому себе.

Эрнест Хемингуэй

ВЕШНИЕ ВОДЫ

Редактор — Ю. С. Новиков.

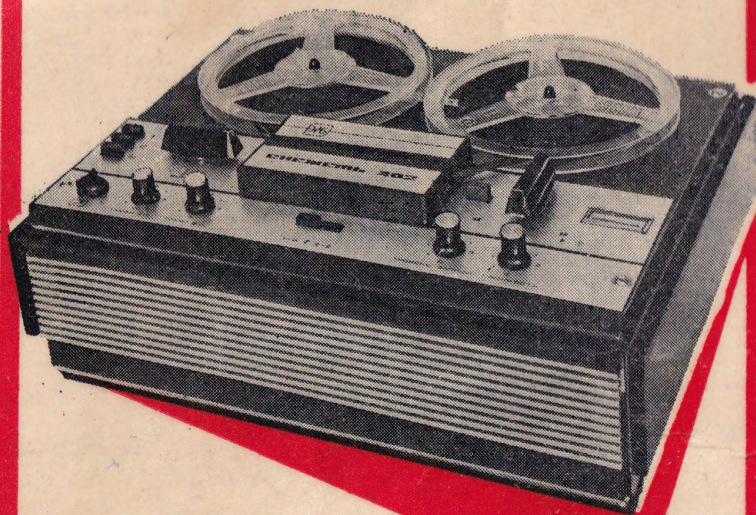
Технический редактор А. И. Евтушенко.

Сдано в набор 19.05.78. Подписано к печати 18.08.78. А 01206.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Новогазетная». Высокая печать. Усл. печ. л. 280. Учетно-изд. л. 3,71
Тираж 100 000. Изд. № 2028. Зак. № 2307. Цена 35 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Цена 35 коп.

Индекс 70668

Немного фантазии...
и с помощью магнитофона «СНЕЖЕТЬ-202» Вы
можете создать комбинированную программу
танцевального вечера, домашний спектакль или
звуковое послание другу.

Устройства «Трюк» и «Пауза» позволяют де-
лать разнообразные записи на четырех дорож-
ках и трех скоростях.

«СНЕЖЕТЬ-202»—12 часов непрерывного зву-
чания!

Цена—220 руб.

ЦКРО «РАДИОТЕХНИКА»

